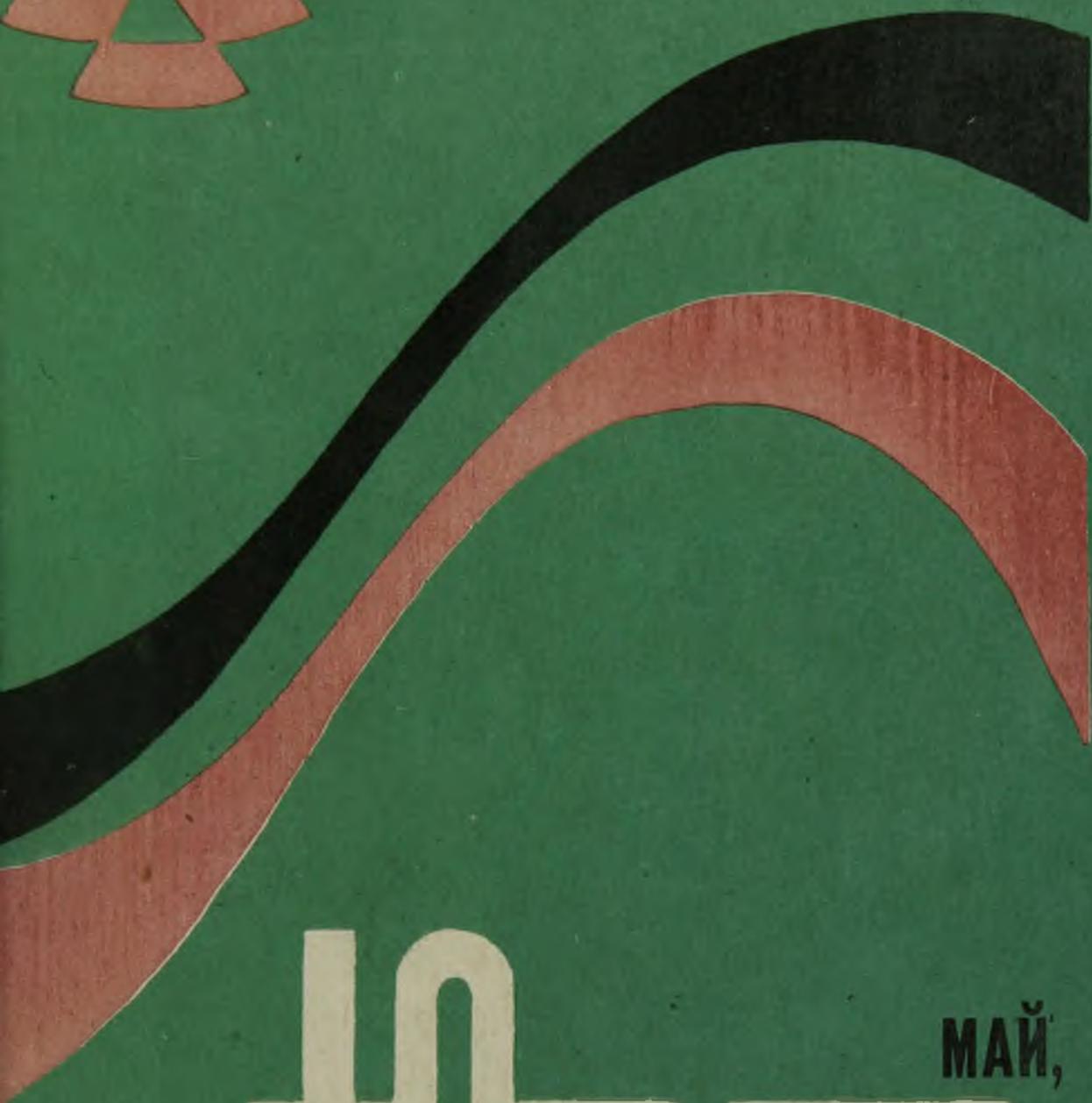


ISSN 0869—4788



10 МАЙ,  
ЮЗРА

5 93



Фото Л. БЕРЕЗНИЦКОГО

Издается с сентября 1991 г.  
Выходит один раз в месяц.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**

**В.К.Белобородов**  
(редактор),  
**Н.И.Коняев**  
(ответственный секретарь),  
**Л.В.Луцкай,**  
**Т.А.Молданова,**  
**Ю.С.Хозяинов.**

Адрес редакции: 626200,  
г.Ханты-Мансийск,  
ул. К. Маркса,14.  
Телефон редакции: 4-12-25.

Журнал зарегистрирован  
региональной инспекцией  
по защите свободы печати  
и массовой информации при  
мининформпечати Российской  
Федерации.

Свидетельство № Е-0254.

Подписаться на журнал  
можно с любого номера  
в местном отделении связи.

Сдано в набор 12.04.93 г.  
Подписано к печати 25.05.93  
Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага  
газетная. Печать офсетная.  
Усл.печ.л. 3,8. Уч.изд.л.4,48.  
Тираж 2500 экз. Заказ № 1616  
Цена 10 руб.,  
в розницу — свободная.

Оригинал-макет подготовлен  
Ханты-Мансийской окружной  
типографией.

Отпечатано в Шадринской  
типографии п/о «Исеть»  
управления печати и массовой  
информации администрации  
Курганской области.  
641800, г.Шадринск,  
ул.Спартака, 6.

Учредители — администрация Ханты-  
Мансийского автономного округа,  
нефтяные акционерные компании  
«Аки-Отыр» и «Югранефть».

**В НОМЕРЕ:**

Л.Копелев.Русская идея — это идея спасения человечества .....	2
З.С.Макарова. Важен первый шаг .....	4
В автономных округах России .....	5
И.Шевелева.Приглашаем к сотрудничеству .....	6
В.Сподина «Белые пятна»Приобья» .....	8
И.Болотов.Живопись малочисленных народов Российского Севера .....	11
В.Белобородов.Второе покорение Сибири и его нравственные уроки .....	17
Н.Колымов.Хлеб Конды .....	19
Б.Сырпин.Практическая сила торфяной науки .....	20
А.Кузнецов. Майские будни сургутян в начале века .....	23
Т.Исаева.О преемственности культурных традиций древнего и современного населения Среднего Приобья .....	24
Тобольские губернские ведомости .....	29
К.Губарев.От Тобольска до Березова .....	30
И.Гудков. Игрушки детей обского Севера ..	33
Н.Патрикеев.Дети Сургута — фронту ....	37
Е.Грошева.Березово — пуп Земли (продолжение) .....	39
Н.А.Полевой. Сибирские страницы .....	44
А.Смольников.С войны не возвращаются. Стихи .....	45
Т.Молданова.В гнездышке одиноким.Повесть .....	47
Е.Кузакова.Как образовались острова на Сосьве .....	53
Т.Молданова.Орнамент «Оставленное стойбище» .....	54
Говорите по-мансийски .....	56
А.Заев.Топонимический словарь Югры .....	57
Г.Лидман.Вентиляция в погребке .....	58
В.Назаров.С фотоаппаратом по лесам и лугам .....	59
Ю.Гордеев.Большая синица .....	62

Лев Копелев

## РУССКАЯ ИДЕЯ — ЭТО ИДЕЯ СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Россия, наверное, единственное государство, не имеющее крепко продуманной национально-государственной идеи и ясной национальной мечты». С этим популярным ныне утверждением не могу согласиться. Новая русская национальная идея растет вопреки хаосу, нищете, разрухе. Растет вопреки бесплодным спорам государственных деятелей, политиканов и демагогов, шалеющих от непривычной свободы. Растет вопреки неприглядной смуте, все новым бедам, невзгодам, вопреки отчаянию от безнадежности.

Русская идея на рубеже тысячелетий — это не только национальная и национально-государственная, но вместе с тем и вселенская идея спасения человечества, спасения всей жизни на Земле. Потому что к исходу нашего столетия войн и революций, Хиросимы и Чернобыля полное истребление всех людей и всего живого на планете стало реально возможным. Все может произойти стремительно, если станут взрываться ядерные, химические, биологические бомбы, начнут гореть атомные электростанции...

Все это можно предотвратить при одном условии — если народы и государства (прежде всего державы, владеющие оружием массового уничтожения и средствами, способными преодолеть экологические катастрофы) раз и навсегда установят постоянные, открытые, т.е. доступные гласной проверке связи между властными структурами, научными учреждениями, предприятиями, общественными организациями и средствами массовой информации.

Предотвратить гибель человечества сегодня еще может единство науки, политики и нравственности.

Это и есть русская и вместе с тем вселенская идея. Ее впервые высказал Андрей Дмитриевич Сахаров в своем «Меморандуме» летом 1968 года; ею проникнуты все его последующие работы и выступления; в ней суть его духовного завещания. Соединение науки и политики, основанное на неколебимых нравственных законах, — решающее условие оздоровления России, укрепления правовой государственности.

Русская идея XXI века возникла не как внезапное откровение. Ее глубокие корни и ранние завязи явственны в давнем и недавнем прошлом — в учении Лао-Цзы, в Евангелии Иисуса Христа, в заветах Будды, в творчестве Дидро, Канта, Гете, Чаадаева, Герцена, Владими-

ра Соловьева, Льва Толстого, в «Пушкинской речи» Достоевского.

Мечты великих человеколюбцев всегда ободряли, воодушевляли людей разных народов и эпох. Но для трезвых политиков, скептических ученых и деловитых предпринимателей это были только несбыточные мечты.

Человечество погибнет, если люди, управляющие государствами, руководящие научными работами и промышленными предприятиями, не научатся добросовестно сотрудничать друг с другом, преодолевая партийные, классовые и племенные предрассудки и соблазны злободневных политических удач.

Россия — родина многих народов, сотрудница многих государств. Новая Россия должна явить миру опыт преодоления губительных идеологий, горький опыт войн и революций, классовой и расовой борьбы. Великая миссия новой России — создание и развитие новых условий человеческого существования, которые будут плодотворны не только для народов России и сопредельных стран, но для всей Европы и других континентов.

Новая русская идея растет из трагического опыта истории. Неистовые афганские моджахеды, безответственные кремлевские старцы, их бездарные генералы и советские мародеры всех званий разрушили мифы всемогущей сверхдержавы и ее вооруженных сил. (Их пути от Сталинграда до Берлина, а сорок лет спустя — от Берлина до Кабула навязывают сравнение с путями царских армий от горячей Москвы до Парижа и сорок лет спустя — от Петербурга до Севастополя; но жертвы и разрушения несоизмеримы, и александровские реформы после крымского поражения были благотворнее, чем горбачевские после афганского позора).

Еще до того, как распалась и рухнула советская империя, уже разрушалась ее построенная на лжи, казенная, лжесоциалистическая, лжепатриотическая и лжеинтернационалистская идеология, а ей на смех из-под развалин вырвались старые бесы племенной вражды и шовинизма. Эти исчадия темных, самоубийственных инстинктов ненависти ко всему иному, чужому угрожают многим народам и странам. В Закавказье и в Таджикистане, в Хорватии и Боснии гибнут люди, горят селения, сотни тысяч голодных беженцев ищут пристанища на чужбине.

Русская идея отвергает и наивно-романтические фантазии националистов, и шовинистические притязания на избранность, на право утеснять и покорять другие народы. Русская идея означает незыблемую преданность России и вместе с тем полную открытость миру, неразрывные связи с русской духовной культурой и готовность к познанию других национальных культур.

Русская идея терпима к иноверию, к инакомыслию, но не терпима к бесчеловечности, преступлениям «во имя высокой цели». Она обязывает всех, кто руководит государством, и всех, кто ему служит, отстаивать гражданские свободы и противиться своеволию, беззаконию и произволу.

# ВАЖЕН ПЕРВЫЙ ШАГ

Год назад наш журнал давал справку о ежегодных (начиная с 1988 года) международных Дней славянской письменности и культуры. Несмотря на то, что 1991 год положил начало разъединению единого восточнославянского пространства, недавно Международными славянским собором и фондом славянской письменности и культуры был учрежден Славянский экономический союз, главная цель которого — духовное и хозяйственное возрождение славянских и сопредельных с ними народов. И, значит, есть надежда, что традиция проведения Дней славянской письменности и культуры не умрет в разрушительных процессах, наблюдаемых сейчас на территории нашей общей Родины.

В преддверии очередного праздника славянских народов журналист Н. Нялиньский встретился с директором окружного Центра традиционной народной культуры и досуговой деятельности З.С. Макаровой.

\* \* \*

— Зинаида Сергеевна, несколько слов о том, что такое ваш Центр, когда он образовался?

— Центр образовался в мае 1991 года путем реорганизации бывшего окружного Дома народного творчества на две самостоятельные структуры: Центр культуры и искусства народов Севера и Центр традиционной народной культуры и досуговой деятельности. Разделение, считаю, никому пользы не принесло, но это — тема для другого разговора. А занимаемся мы, как и прежде, в основном информационно-методическим обеспечением учреждений культуры округа в части проведения театрализованных праздников, фестивалей, концертов...

— Готовитесь ли вы к празднованию Дня славянской письменности? Если да, то какие мероприятия планируется приурочить к празднику? И что делается вашим коллективом для пропаганды народной культуры славян?

— Мы только приходим к пониманию того, что нашей главной задачей должно стать возрождение именно традиционных народных культур и искусств, в том числе и славянских, и прежде всего — фольклора. Вынашиваем мечту о создании в Ханты-Мансийске Центра русской культуры, где бы базировались и фольклорные коллективы, и любительские объединения. Мечтаем и о славянских фольклорных фестивалях. А пока изучаем опыт Тюмени, Ялуторовска, Сургута... Тюменцы, как известно, давно уже создали Центры русской, немецкой, татарской культур. В Ялуторовске стали традиционными народные гуляния, ярмарки... Не отстает от «южан» Сургутское общество русской культуры. Есть интересные наработки и в Салехарде. Так что и на Севере живут люди, которым не безразлична родная культура.

— Так в чем дело? Почему Ханты-Мансийск всегда остается в стороне от общеславянских народных празднований?

— Причин несколько. Мы живем в автономном округе, где приоритетными являются все-таки хантыйская и мансийская культуры, а славянские и другие остаются как бы даже не на втором, а где-то на третьем плане. Сказывается и отсутствие квалифицированных кадров — филологов, историков, искусствоведов. И это притом, что в одном только окружном центре культпросветработников и чиновников от культуры больше, чем во всем округе. Но и мы кое-что начинаем делать. Выявляем народных мастеров, умельцев, наладили сотрудничество с местными самодеятельными и профессиональными художниками, организовали и провели несколько выставок. Этого, конечно, мало...

— Как бы вы отнеслись к пожеланию, чтобы взамен назойливой рекламы, бесконечных политических дискуссий или очередного американского боевика, которого, кстати, в Америке не покажут, дабы не портить вкус согражданам, дать такую программу, как, скажем, «Русский (украинский, белорусский и т.д.) час». Почему бы вашему Центру не заявить свою рубрику в окружной газете или нашем журнале? Это стало бы первым значительным шагом на долгом пути возрождения культурной истории и народной культуры славян.

— Над этим следует подумать.

## ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «ПАРМА»

О рождении Коми центра путешественников «Биармия» было официально объявлено в 1989 году, но до этого момента центр имел уже более чем двадцатилетнюю биографию. В результате он стал обладателем полумиллионного перечня литературных, фото- и картографических, методических и других материалов, представляющих собой уникальный банк данных, преимущественная часть которого содержит материалы о финно-угорских и самодийских народах и территориях.

Эти фонды стали основой для создания в Сыктывкаре общественной организации «Биармия» — международного финно-угорского воспитательно-педагогического, научно-культурного и миротворческого центра. В его составе — оздоровительный центр, база для подготовки школьников к приобретению приоритетных профессий края (лесозаготовитель, рыбак, оленевод, народный врачеватель, мастер традиционных ремесел, а также краевед-педагог, ученый-географ, работник заповедников и национальных парков и т.д.). Центр организует краеведческие путешествия детей и подростков, ведет научные исследования.

Деятельность «Биармии» с начала ее

открытия осуществлялась на благотворительные и спонсорские пожертвования. С целью привлечь внимание правительства и общественности республики на актуальность программ центра были осуществлены проекты четырех трансреспубликанских экспедиций. В ходе экспедиций 1990 и 1991 г.г., посвященных Василию Латкину (коми) и Александру Кастрену (финн), впервые установлены на земле Коми мемориальные доски этим выдающимся исследователям прошлого столетия. В ходе двух других экспедиций (1991 и 1992 г.г.) «По восточным городам Биармии» и «Из Перми в Мангазею» была впервые в мировой практике осуществлена реконструкция средневековых деревянных парусно-весельных судов-кочей финских народов и смоделировано плавание по речным водно-волоковым путям из бассейна Эжвы в бассейн Печоры. Второй коч был изготовлен как экспонат будущего «Музея коча».

К сожалению, и эта деятельность энтузиастов «Биармии» не вдохновила правительство Коми республики на поддержку ее программ, и центр был вынужден все на те же пожертвования начать строительство в Сыктывкаре первой очереди комплекса «Биармии».

\* \* \*

В 1992 г. в окружной библиотеке открылся краеведческий сектор. В его фонде — литература по естествознанию, сельскому и лесному хозяйству, культуре, просвещению, языкознанию, фольклору. Выявились и большие пробелы в библиотечном собрании, особенно по части литературы, изданной до 50-х г.г. Национальная литература долгие годы находилась в небреже-

нии, книги народных авторов списывали в макулатуру, сжигали. Сотрудники краеведческого сектора обратились через газету к жителям округа с просьбой принести или прислать по почте уцелевшие экземпляры книг репрессированных основоположников национальной литературы М.П. Лихачева и А.Н. Зубова, другие книги о крае.

\* \* \*

Заслуженный учитель России, председатель окружного общества «Краевед Пармы» Г. Бачев рассказывает в газете об учительнице и краеведе из с. Верх-Юсьва Анне Степановне Мехоношиной. Уже в преклонном возрасте она увлеклась историей родного края и собрала уникальные

документы о 32 исчезнувших деревнях Верх-Юсьвинского сельского Совета.

В прошлом году сбылась давняя мечта Анны Степановны: в средней школе открыт историко-краеведческий музей и при нем работают кружок «Юные экологи», клуб путешественников, фольклорная группа.

## ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Понятие «краеведение» прочно входит в нашу жизнь. За несколько последних лет интерес к нему значительно возрос. Краеведением занимаются историки, географы, специалисты по языкам и литературам, архивные и музейные работники, библиотекари. Но самое интересное заключается в том, что интерес к краю мы проявляем тогда, когда за плечами уже много прожитых лет, и мы начинаем осмысливать, понимать жизнь по-новому, совершенно иначе. Нас тянет в родные места, к истокам, где родились.

Бывает и учебный интерес, когда мы, обучаясь в каком-либо учебном заведении, обращаемся к истории края только за тем, чтобы получить оценку за реферат или курсовую.

А почему бывает так? Давайте поразмышляем.

Историю в школе мы изучаем досконально, по всем ее периодам, начиная с древнейших времен и кончая всевозможными политическими партиями зарубежных стран. Но задумывался ли кто-нибудь хоть раз, что зная обо всем, мы ничего не знаем о себе...

Краеведческий фонд стал формироваться еще в 30-е годы, с момента открытия окружной библиотеки, основой послужили пожертвования библиотеки Тобольского губернского музея: с того времени (на протяжении 60-ти лет) фонд ежегодно пополнялся краеведческими изданиями, но, как правило, было это хаотически, без какой-либо определенной системы. Приобретались лишь те книги, которые нам присылали из бибколлектора. Дополнительных усилий для целенаправленного комплектования фонда краеведческими изданиями не было. А такой подход — от случая к случаю — никаких результатов не даст — это ежедневный, скрупулезный и очень нелегкий труд. И не случайно два года назад в окружной библиотеке был создан отдел краеведческой литературы и библиографии. Изучив и проанализировав довольно богатый фонд редких изданий об округе, мы много сил тратим на то, чтобы восполнить пробелы. И свои усилия сейчас направляем на докомплектование фонда «дореволюционными изданиями». В этом плане мы тесно сотрудничаем с Национальной библиотекой России в Санкт-Петербурге, бывшей «Салтыковкой», выявляя по библиографическим пособиям, пристатейным спискам литературы, каталогам источники об округе. Возможность получить первоисточник «дореволюционного издания» мы, конечно, не имеем. Но, получая копию книги или статьи, мы этим очень помогаем читателям. К нам обращаются за помощью искусствоведы и ученые из Тюмени, Екатеринбурга, Москвы, редакторы газет и журналов, в том числе центральных. Совсем недавно заместитель главного редактора журнала «Наш современник» В.В. Огрызко воспользовался литературой из нашего фонда и был очень рад, когда нашел именно то, что искал. Но, несмотря на старейший и богатейший фонд библиотек Москвы, С-Петербурга, Омска, по тем или иным причинам мы иногда не можем получить даже копию издания. И здесь нам помогает связь с людьми, которые занимаются краеведением не в силу профессиональной надобности, а по призванию, по душевному наитию. Обратившись за помощью к краеведу из Октябрьского Г.Н. Тимофееву, мы нашли в его лице не только сообщника, но человека понимающего и желающего помочь от всей души. С его помощью мы обзавелись уникальными изданиями — его собственными исследованиями о крае, которых нет в любой другой библиотеке. Уроженка д. Евра Кондинского района Е.А.

Кузакова (сейчас она живет в Московской области) представила нам свои работы по изучению наречий мансийского языка, кроме того, мы стали единственными обладателями огромной библиографии о народностях ханты и манси. Этот труд — результат всей ее жизни, посвященной тем местам, где она родилась и прожила немало лет.

Но парадокс в том, что если нам удастся получить в фонд издания, давно ставшие библиографической редкостью, то порой не имеем возможности купить газету за текущий год или книгу, изданную на территории округа. А все потому, что мы, имея статус окружной библиотеки, не получаем обязательный экземпляр литературы, выходящей на территории округа. И многие издания проходят мимо нас. А где, как ни в библиотеке, читатель может ими воспользоваться?

А то, что сегодня издают университеты Томска, Екатеринбургa, Новосибирска, занимающиеся исследовательской работой в округе, не попадает в фонд нашей библиотеки. Почему-то сами исследователи мало заинтересованы в том, чтобы их труды стали доступны читателям. И наши попытки не имеют успеха. Мы обращались за помощью и к В.М. Кулемзину из Томска, и к знатоку этнографии ханты З. Соколовой, но наши просьбы оставлены без внимания? Чем это объясняется — не знаю... Или ученые в силу своей занятости не могут уделить нам должного внимания, или мы недостаточно настойчивы в своих просьбах. Мне досадно, что книга, вышедшая буквально на днях, проходит мимо нас!

Митрофан Алексеевич Тебетев (художник-ханты) какое-то время относился к нам настороженно, с недоверием, но, придя в наш отдел, ознакомившись с фондом, каталогом, увидев, чем мы занимаемся, отдал нам полностью свой архив. В него вошли эскизы картин, дружеские шаржи, книги с автографами художников, писателей, искусствоведов, публикации о творчестве, слайды. Признав нас единомышленниками, он доверил нам частичку своей жизни.

Вы можете возразить и сказать, что было бы целесообразнее все это поместить в архив. Да, конечно, может, там гарантируется в какой-то степени большая сохранность, но именно в библиотеке эти издания будут доступны каждому.

С 1971 года окружная библиотека ведет международный книгообмен с библиотекой имени СЕЧЕНИ в Венгрии, а с 1990 года — с финскими коллегами. Ни для кого из нас не является новостью, что у нас, в России, книги о Севере издаются крайне редко. А исследования Сибири начались зарубежными учеными еще в прошлом веке, и к большому сожалению, труды А. Регули, И. Кастрена, И. Папаи, Штейница почти не переводились на русский язык. Имея эти издания на венгерском и немецком языках, мы надеемся, что наступит время, когда они будут доступны каждому читателю.

Для информирования своих коллег, чья работа связана с краеведением, для читателей отдел краеведения выпускает раз в квартал «БЮЛЛЕТЕНЬ НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ». В нем есть сведения о всех изданиях, в том числе и ксерокопиях, поступивших в библиотеку. «КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ: ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ» для многих интересен в том плане, что указывает на важные моменты истории и культуры округа.

К финно-угорскому фестивалю мы подготовили несколько библиографических пособий по творчеству местных писателей А. Коньковой, Е. Айпина, М. Шульгина и др. Это лишь то немногое, чем мы занимаемся. Считаем, что добиться успеха в краеведческой работе мы сможем только объединив усилия всех организаций, всех лиц, занимающихся краеведением. Мы должны понимать, что в нашем деле быстрого результата не будет. Он придет через многие годы. И очень важно подумать о нашем завтра именно сегодня.

Мы рады всем, кто готов сотрудничать с краеведами окружной библиотеки.

**И. ШЕВЕЛОВА,**

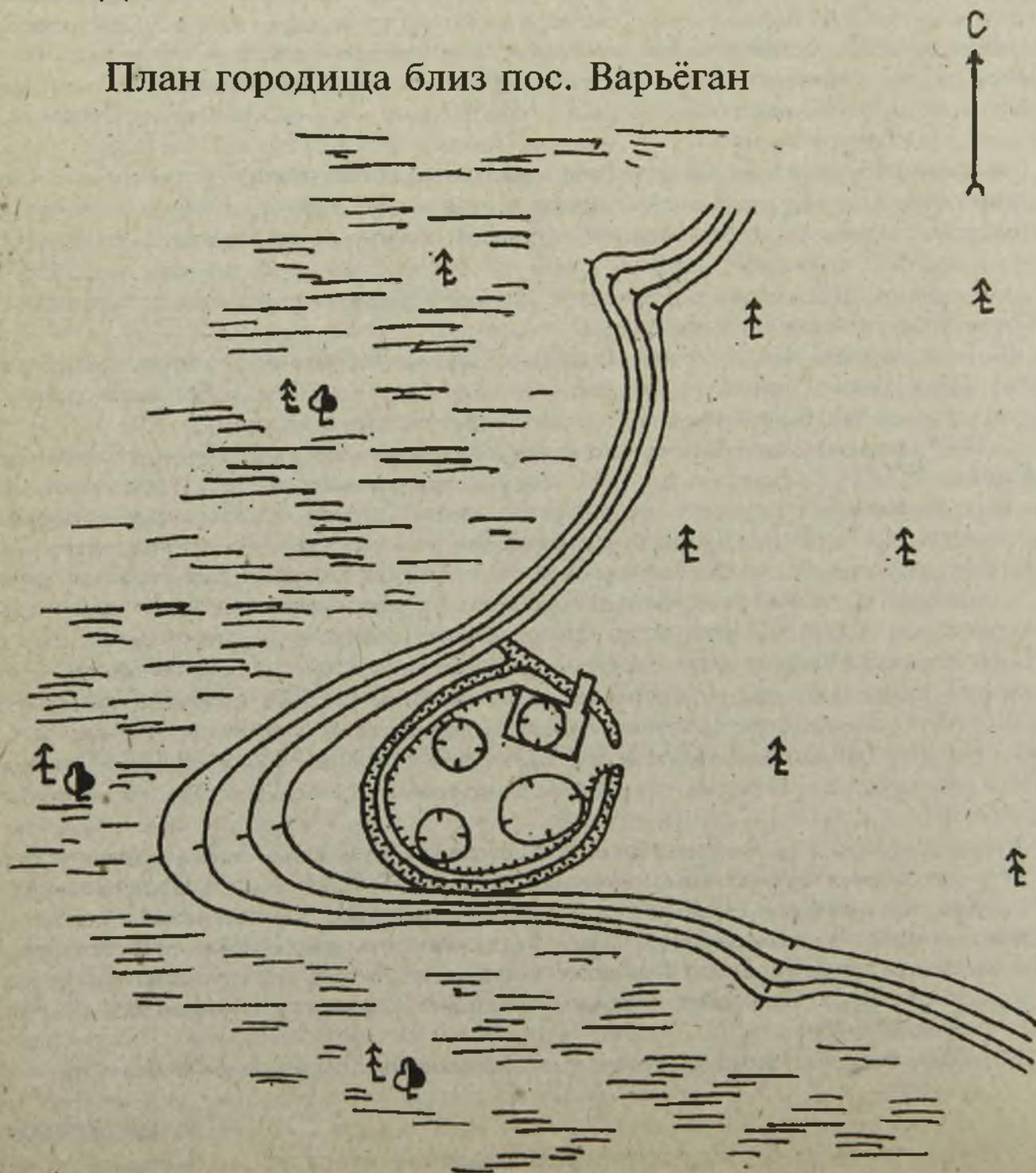
гл. библиограф отдела краеведческой литературы и библиографии.

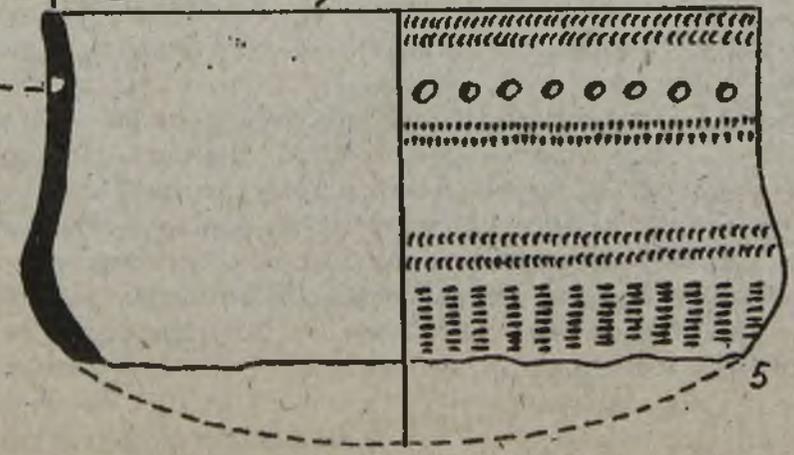
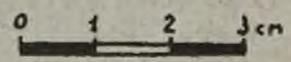
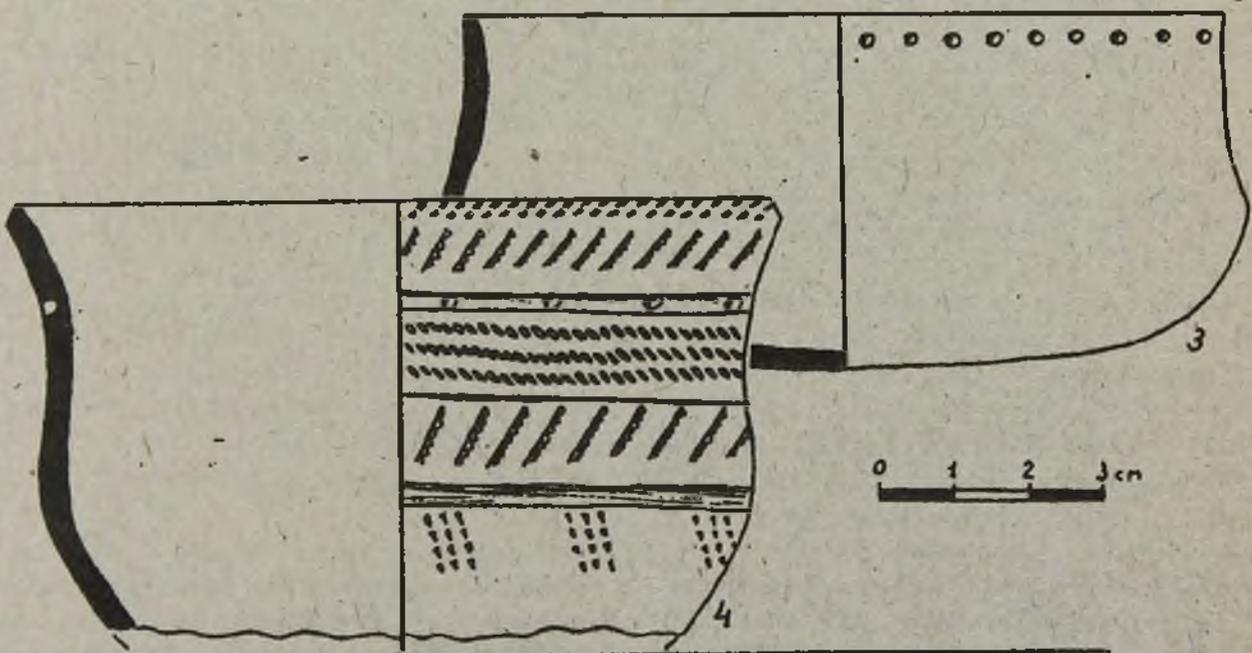
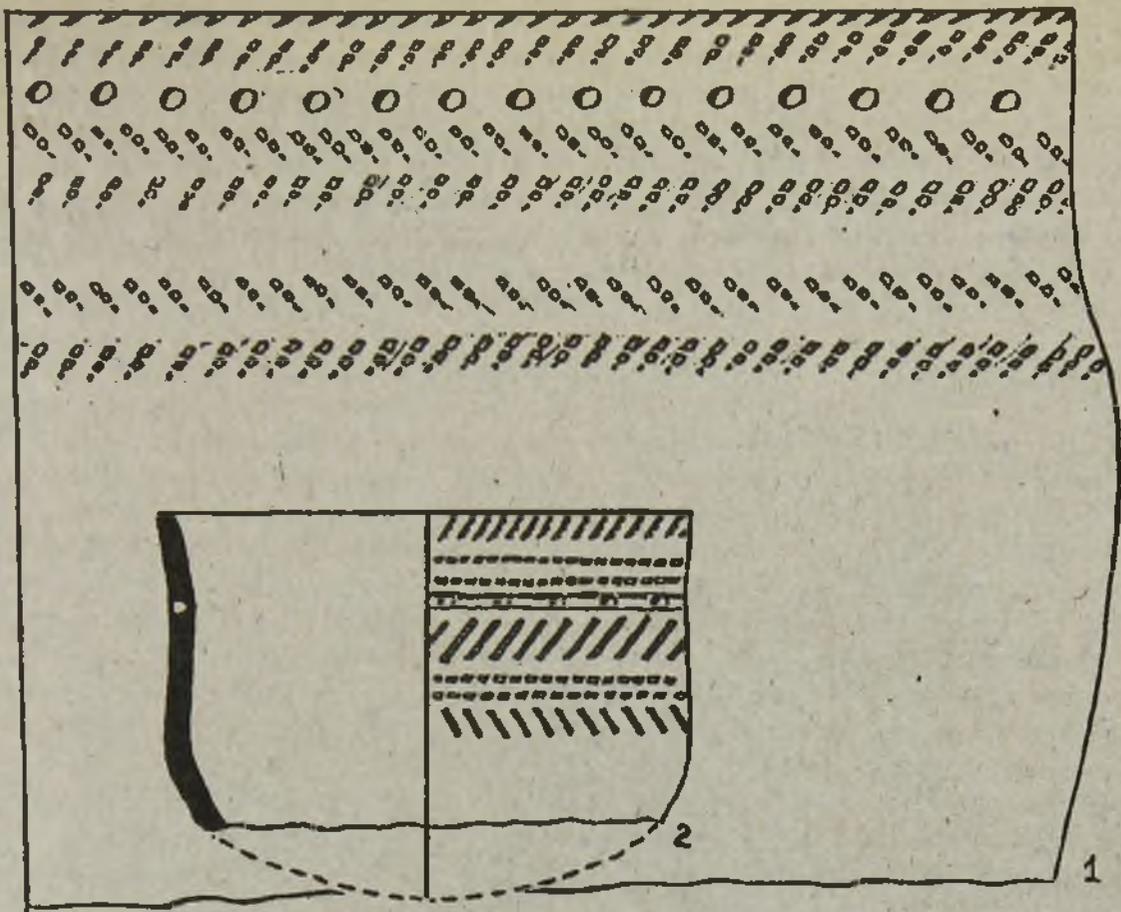
# «Белые пятна» Приобья

На протяжении 1991-1992 гг. Тобольская археологическая экспедиция по заданию Мегионского историко-этнографического музея проводила сплошное археологическое исследование бассейна р. Аган — территории, считавшейся «белым пятном» на археологической карте Западной Сибири.

Было обнаружено и раскопано городище близ пос. Варьеган площадью 200 кв. м. Расположено оно на 5-метровой террасе реки на узком, сильно выдающемся в пойму мысу. Именно это естественно укрепленное с двух сторон место и было выбрано древним населением для постройки укрепленного поселка. При раскопках не был обнаружен керамический материал, в связи с чем время существования данного городища руководитель раскопок канд.ист. наук И.Г. Глушков датирует временем после XV-XVI вв. н.э. В этот период территория Среднего Приобья была занята уграми.

План городища близ пос. Варьёган

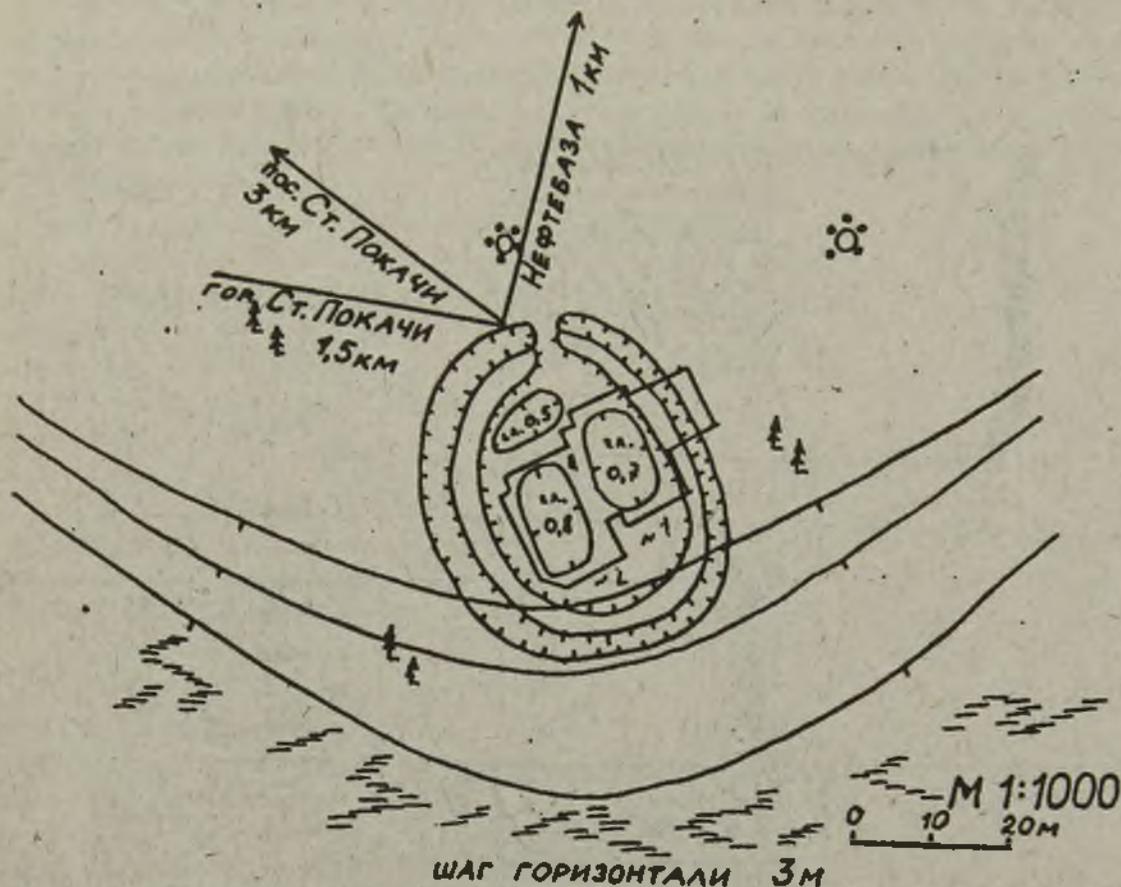




Керамика  
городища  
Старые Покачи

В результате изысканий 1992 г. открыто уже 29 археологических памятников, из которых раскопано 2 поселения и 3 городища. Общая площадь раскопок составила около 1 кв. км. Все памятники относятся к поздним археологическим периодам — раннему железу (I тыс. до н.э. -нач. I тыс. н.э.) и средневековью.

Одно из интереснейших городищ расположено на правом берегу р. Аган в 3 км. от поселка Покачи, на мысу, образованном ручьем, ранее соединявшим Аган с одной из стариц. Высота террасы в этом месте достигает около 6м. Жилая площадка городища (690 кв. м) окружена рвом и валом.



## План городища Старые Покачи

В результате проведенных раскопок получена значительная коллекция керамики. Основу композиций составляет чередование горизонтальных и наклонных поясков, косо поставленных поясков из оттисков гребенки или отступающей палочки. Ямки характерны только для зоны шейки. Орнамент покрывал в основном верхнюю треть сосуда.

Памятник И.Г. Глушковым датируется кучуминским этапом (VIII-X вв.).

В нынешнем году Мегионский музей планирует продолжить исследование бассейна р. Аган, а также включить в зону работ бассейн р. Вах.

Комплексное археологическое исследование Нижневартовского района, безусловно, требует крупных финансовых вложений. Отрадно, что отдел народов Севера Ханты-Мансийского окрисполкома уже два года подряд оказывает помощь в исследовании и сохранении для будущих поколений древнего пласта исторического прошлого нашего региона.

# Живопись малочисленных народов Российского Севера

Этот вопрос связан с более широким кругом проблем, актуальных не только для нашей страны: судьбы малочисленных народов, обитающих в различных уголках земного шара, место их культуры в современной цивилизации все больше заботят мировую общественность.<sup>1</sup>

Предлагаемая статья, разумеется, не история искусства северных народов. Здесь делается попытка проследить основные тенденции и привлекаются лишь некоторые, характерные примеры. Понятие Севера условно. Его не ограничишь конкретной географической широтой, и в отдельных случаях представляется возможным обратиться к искусству малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, живущих южнее Заполярья и Приполярья, но по своему укладу и истории близких северным. В то же время мы намеренно не касаемся искусства более многочисленных народов, в частности, якутского и бурятского: оно развивалось своими путями и лучше изучено. Северным народам присуще самобытное художественное мышление, оригинальные пространственные представления, воспитанные ландшафтом тундры и лесотундры, бескрайними просторами, особенностями быта, свидетельство чему — поэтический фольклор, резьба по дереву, бересте, камню и кости, меховая мозаика и шитье бисером.

Сформировать свои школы профессионального изобразительного искусства малочисленным народам, разбросанным по огромной территории Арктики и Субарктики, чрезвычайно трудно. Аналогий таким явлениям, как сложившаяся в 1960-е годы школа якутской графики и живописи<sup>2</sup>, нет ни у ненцев, ни у эвенков, ни у чукчей. Однако у этих и у других народов Севера, каждый из которых, по свидетельству исследователей их культур, проявляет удивительную склонность к изобразительному творчеству<sup>3</sup>, не могла не проявиться в XX веке потребность выразить себя и в скульптуре, и в графике, и в наиболее опосредованно связанной с фольклорными формами художественного твор-

чества живописи. Эта потребность дает о себе знать то там, то здесь в искусстве талантливых самородков, нередко и не слышавших друг о друге, не осознающих преемственности и поэтому не образующих зримой традиции.

И все же представляется возможным уповить определенную логику развития изобразительного искусства северных народов в нашем столетии, наметить этапы его истории, обусловленные как изменениями в мироощущении северян, так и контактами с европейской художественной традицией. Эти этапы хотелось бы связать с тремя именами: ненецкий живописец Тыко Вылко; воспитанник Ленинградского института народов Севера Константин Панков, родившийся на Приполярном Урале в семье ненки и зыряннина; и наш современник художник Геннадий Райшев.

\* \* \*

Талант Вылко проявился в 1900-е годы, когда началось активное освоение Арктики. Будучи волею судеб перенесенным из среды, близкой к первобытной, в мир развитой цивилизации, одаренный самоед продемонстрировал потенциальные возможности своего народа. Sensацией стала открытая в начале 1911 года в Московском кустарном музее выставка рисунков и картин Вылко. Одних привлекла экзотика: ведь всего пятнадцать лет назад на Всероссийской художественной и промышленной выставке в Нижнем Новгороде в северном павильоне, украшенном панно Константина Коровина и Сергея Малютина, сородич Вылко ненец Василий был представлен в качестве живого экспоната, поедающего на глазах публики сырую рыбу. Других — научный этнографический интерес. Третьи в наивных полотнах живописца с Новой Земли увидели пример художественной чистоты и искренности, которые мучительно стремились обрести искусство начала XX века<sup>4</sup>. Вскоре у москвичей появилась возможность сопоставить Вылко с Нико Пиросманашвили, а в 1927 году работы двух мастеров встретились на выставке «Искусство народов СССР».<sup>5</sup> Однако аналогии с выдаю-

щимся грузинским примитивизмом имеют предел, поскольку у Тыко Вылко все же иное взаимоотношение с профессиональным искусством. Воспринятые им от А.А.Борисова, В.В. Переплетчикова и А.Е. Архипова принципы русского реалистического пейзажа не во всем органичны для художественного мышления северянина, что привело к эклектичности его композиций<sup>6</sup>.

Цельностью образного мышления ближе к Пиросмани оказались работы Константина Панкова и других художников, как и он, обучавшихся в Ленинградском институте народов Севера. Этот институт был создан 1930 году на базе организованного несколько раньше северного факультета Института восточных языков (Ленинградский восточный инсти-

тут) им. А.С. Енукидзе. Там готовили различных специалистов для национальных окраин Советского Союза. Еще на севфаке начали работать рисовальные (с 1926 г.) и скульптурные (с 1928 г.) мастерские, чья деятельность в 1930-е годы приобрела более широкий размах<sup>7</sup>.

Преподавали в мастерских живописцы и графики П.И. Соколов, П.И. Акишин, А.А. Успенский, скульптор Л.А. Месс. «Новизна дела плюс полнейшая неисследованность творческих возможностей, заложенных в студентах, привели на первых порах к попыткам учить севфаковца так или почти так, как обучают в обычных художественных школах, — вспоминал Л.А. Месс. — В классе стояли натюрморты — геометрические фигуры, чай-



ники, терки и т.д. Севфаковцы усердно рисовали их, постепенно совершенствуясь и набирая руку. Разумеется, при этой системе обучения свободное образное мышление, плоскостность и своеобразная формальность, от природы присущая большинству студентов, постепенно исчезали, уступая место школьному рисунку.»<sup>8</sup>

Полагая, что «северян надо не столько «учить» художеству, сколько не мешать им выявить то, что было заложено в их пробуждающемся сознании»<sup>9</sup>, ленинградские педагоги отказались от академического обучения рисованию и живописи с натуры. В своих методических разработках они опирались на достижения этнографии, сделавшей к этому времени в изучении культуры Севера значительные успехи. «...В лице большинства студентов мы имеем людей, преимущественно обладающих высокой изобразительной культурой, вытекающей как из условий существования (охота, рыболовство), так и из художественных традиций Сибири (орнамент, подделки из кости и пр.)...» Основным признаком, отличающим восприятие малых народов Севера от восприятия европейских народов, следует считать резко выраженную плоскостность и графичность и тот реализм в новом понимании этого слова, который расшифровывается как реальное отношение к материалу (карандашу, перу, бумаге)», — подчеркивалось в институтских методических указаниях.<sup>10</sup>

Уже в 1929 году в Русском музее состоялась выставка работ севфаковцев. На ней еще не было произведений Панкова. Он и его соученики заявят о себе позже. Экспозиция 1929 года включила первые графические и пластические опыты тех, кто не собирался становиться художником, но и они позволили Н.Н. Пунину написать: «...Невольно приходит мысль: какая простая вещь — искусство. Несколько иногда даже однообразно повторяющихся штрихов — и это целый лес со всей своей непроходимостью; три дерева, как бы случайно расставленные на слегка заштрихованной траве — и это тайга с ее унылой тишиной, которую, как говорят, не выносят даже птицы; двумя или тремя приемами передана пушистая мягкость оленьей шерсти, колючая растительность хвои, жесткий мех медведя. Еще более, может быть, проста скульптура: широкий нажим стека, а иногда просто пальца, — и на яйцевидной, хорошо прочувствованной форме головы два, узкие глаза смотрят сонным взглядом вечности;

приплюснутый, как бы каменный, нос над застывшими и вместе с тем пластически такими живыми губами — и вся конструкция лица передана с недостигаемой для европейской скульптуры лаконичностью... Замечательно именно то, что авторство, т.е. личная одаренность, не играет во всех этих работах решающей роли; да, конечно, есть рисунки, сделанные более способными учениками, есть, наоборот, рисунки явно неталантливые, но и в тех и в других чувствуется подлинная культура глаза, образное, живое мышление, восприимчивость к свойствам материала, а главное — такое чудесное, врожденное, ничем не заменимое, стихийное чувство того, что есть человеческое искусство».<sup>11</sup> И далее, возвращаясь к рисункам, критик подчеркивает то, что «в формальном отношении общо им всем, что делает их типичными образцами примитивного художественного творчества и тем самым ставит в ряды тех памятников мирового искусства, которые сыграли такую решающую роль в перерождении формальных основ ренессансных традиций. Исследуя с этой стороны рисунки северян, мы находим в них все наиболее ценные для современной художественной культуры формальные свойства: цельность и единство изобразительной поверхности, живописно-плоскостное понимание формы, свободную композицию и великое чувство качества материала».<sup>12</sup>

Н.Н. Пунин дал образную и искусствоведчески точную характеристику художественного творчества северных народов, наметил принципы его классификации по национальным группам. Однако основной пафос его статьи под красноречивым названием «Искусство примитива и современный рисунок» направлен на выявление значения северных примитивов как источника стилистических исканий для русского европейского искусства и, в частности, рисунка XX века. Между тем, художественную общественность все более занимали проблемы собственного развития искусства различных народов, населяющих нашу страну, в том числе северян и сибиряков.

«Я скажу об особенностях Сибири. Я хочу подчеркнуть, что искусство, прикасаясь к корням народного творчества, всегда возрождалось. Живописец Гоген ушел из Франции, ища опоры, на девственную почву Таити. За границей мечтают съездить в Африку, там тяга к негритянскому, первобытному, там усталость от однообразия европейской жизни. А у нас здесь — все, мы имеем близко



под руками — первобытность, азиатское. Я думаю, Сибирь даст в будущем и Венецию, и Флоренцию, и Мюнхен. Сибирь для развития большого искусства я считаю самым удобным местом в СССР». Комментируя эти слова иркутского живописца и педагога И.Л. Копылова, прозвучавшие в 1927 году на первом съезде художников-сибиряков в Новосибирске, Я.А. Тугендхольд говорил в одной из своих статей о двух крайностях, подстерегающих развитие искусства народов СССР: с одной стороны — «общерусского и общеевропейского уклона, могущего нивелировать национальное и народное, и с другой стороны —

уклона к «областничеству», местного патриотизма, замыкания в свою национальную традицию, стилизации и архаизирования».<sup>13</sup>

В этой статье, явившейся откликом на уже упомянутую в связи с именем Вылко выставку «Искусство народов СССР», организованную Государственной академией художественных наук в 1927 году, сквозь характерную для времени идеологизированную и политизированную фразеологию пробивается живая увлеченность талантливого искусствоведа «собранием художественных сил вокруг наших областных и национальных осей»<sup>14</sup>, единством содержательных и формальных исканий.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Характерным проявлением интереса к культуре малочисленных народов стала выставка «Тундра. Тайга», организованная в 1989 году в Москве и Ленинграде Музеем цивилизации города Квебека (Канада) и Государственным музеем этнографии народов СССР. См.: Тундра. Тайга: Инуиты Квебека. Народы Севера Сибири. — Квебек, 1989 г.

<sup>2</sup> ПОТАПОВ И.А. Изобразительное искусство советской Якутии. — Л., 1960г. ПОТАПОВ И.А. Якутская графика: Альбом. — Якутск, 1967г. ПОТАПОВ И.А. Художники Якутии. — Л., 1983 г.

<sup>3</sup> ИВАНОВ С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX века. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. — М., Л., 1954 г. ИВАНОВ С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. — М., Л., 1963 г. ИВАНОВ С.В. Скульптура народов Севера Сибири. XIX — первая половина XX века., — Л., 1970 г. МИТЛЯНСКАЯ Т.В. Художники Чукотки. — М., 1976. Указанные книги содержат обширную библиографию.

О природной графической одаренности северных народов особенно убедительно говорит творчество их детей, специально анализировавшееся в 1920-е — начале 1940-х годов: ТРЕБУХОВСКИЙ П.Ф. Детский рисунок туземных народов Сибири. — Иркутск, 1926. ШУБЕРТ А.М. Изобразительные способности у детей эвенков (тунгусов). Изв. научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера. — Л., 1935. — Вып. 4. БАЗАНОВ А.Г. Рисунок ненецких детей. Советская педагогика. — 1941, № 1. Интерес к этой проблематике возродился в сравнительно недавнее время. РОЛЬНИК И.А. Национальные традиции и детское художественное творчество. Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития. — Новосибирск, 1983, — с. 144-146. РОЛЬНИК И.А. Национальные традиции и художественное творчество ненецких детей Ямала. Культура народностей Севера: традиции и современность. — Новосибирск, 1986, — с. 182-189. ФРОЛОВ Б.А. О преемственности традиций изобразительного творчества народностей Севера. — Там же. — с. 164-173. В 1985 году в Москве была проведена выставка «Рисуют дети народностей Севера».

<sup>4</sup> Вылко Илья Константинович (Тыко Вылко). 1886 — 1960.

Жил на острове Новая Земля, после 1956 года — в Архангельске. Участвовал в экспедициях В.А. Русанова по изучению Новой Земли. В 1909-10 годах брал уроки у А.Е. Архипова и В.В. Переплетчикова. В 1924-56 годах — председатель Новоземельского островного Совета депутатов трудящихся. Член Всесоюзного географического общества, собиратель фольклора, автор записок о Новой Земле (М., 1914). Как художник, работал до последних дней жизни, особенно активно в 1950-е годы, однако, его принципиальные находки относятся к 1910-м годам, и именно они интересны в плане предлагаемой концепции. Персональные выставки картин Вылко состоялись в 1910, 1946, 1956, 1966 годах в Архангельске, в 1911 и 1914 — в Москве, в 1968 — в Сольвычегодске. Работы хранятся в Музее Арктики и Антарктики (С.-Петербург), в Архангельском областном музее изобразительных искусств, в Нарьян-Марском краеведческом музее и других.

**Литература:** Художник - самоучка, самоед Вылка. Против течения (СНБ)-1910, № 5, -с. 3. Талантливый самоед. Уральский край (Екатеринбург). — 1910, 13 ноября. И.К. Вылка в Москве. Архангельские губернские ведомости. — 1910, 7 ноября. МАМОНТОВ С. Выставка Тыко Вылки. Архангельские губернские ведомости. — 1911, 1 марта. ПЕРЦОВ П. Художник-самоед. Новое время (СПБ), — 1911, 4 (17) марта. Художник-самоед Тыко-Вылка.-М., 1912. ТУГЕНДХОЛЬД Я. Выставка художника-самоеда Вылко. Аполлон.-1914.-№ 3.-с. 68-80. Каталог выставки картин Тыко Вылки.-М., 1914. ПЕРЕПЛЕТЧИКОВ В.В. Художник-самоед Тыко Вылка. Север.-1917, —с. 173-180. Тыко Вылка (Сборник).-Свердловск.-1965. ВОРОНОВА О. Президент Новой Земли Тыко Вылко.-М., 1977.

<sup>5</sup> Каталог юбилейной выставки искусства народов СССР, организованной Государственной академией художественных наук. 1(отдел). Изобразительное искусство. Театр. Кино. (Вступительная статья Я. Тугендхольда). —М, 1927.

<sup>6</sup> Впрочем, указывая на значение для Тыко Вылко русской пейзажной школы, следует оговориться, что ближе других ему могли оказаться традиции романтического декоративного пейзажа А.И. Куинджи — учителя А.А. Борисова. Попутно заметим, что традиции Куинджи через его учеников проникли в различные национальные школы XX века. Так, Н.К. Рерих оказал несомненное влияние на Р. Кента и близких последнему американских художников, а литовец Ф.Рушиц — на своего соотечественника М.К. Чюрлениса.

<sup>7</sup> Большинство графических, живописных и скульптурных работ, находившихся в мастерских института, не сохранилось. Несколько произведений находятся в Музее Арктики и Антарктики, Русском музее и в частных собраниях Санкт-Петербурга. Почти неизвестны биографии самих художников, или оказавшихся на фронте, или умерших во время Ленинградской блокады. Лучше других изучена жизнь Константина Леонидовича Панкова, родившегося в Саранпауле на Северном Урале в 1910 году, учившегося у А.А. Успенского и Л.А. Месса и погибшего на фронте по одним данным в 1942, по другим — в 1944 году.

**Литература:** Искусство народностей Сибири: Сб. статей.-Л.: Издание Государственного Русского музея, 1930. Содержание: ПУНИН Н.Н. Искусство примитива и современный рисунок.-с. 3-34; МЕСС Л.А. Работы художественных мастерских Севфака. —с. 35-52; ПРЕСНОВ Г.М. Скульптура Севфака; ШНЕЙДЕР Е.Р. Искусство народностей Сибири. - С. 57-100; СУКОРКИН И. Северный факультет Ленинградского восточного института и народы, в нем обучающиеся. -С. 101-106. ГОР Г. Ненецкий художник Константин Панков. -Л., 1968. ГОР Г. Пространство Панкова. Радуга на снегу.-М., 1972. ГОР Г. Константин Панков. —Л., 1973. ЧУГУНОВ Г. След метеора. О творчестве студентов Института народов Севера. Искусство. —1976. -№ 12, —с.36-41. ЧУГУНОВ Г. Искусство северян. Творчество студентов Института народов Севера в 1920-х —1930-х годах. Сов. живопись, 74. —М., 1976, —с. 186-194. Желтое небо родины. Автобиографический рассказ художника Константина Панкова (Сокр. стенография 1937 г.). Стерх.-1992.-№ 2. -с. 30-35.

В 1974 году Свердловской киностудией был снят фильм о К.Л. Панкове «Синее озеро». Сценарий Г. Гора, режиссер И. Богуславский, оператор С. Погорелов.

<sup>8</sup> МЕСС Л.А. Указ. —соч. —С. 40.

<sup>9</sup> Из методических указаний П. И. Соколова. См.: ГОР Г. Пространство Панкова, с. 169.

<sup>10</sup> Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР, ф. 250, оп. 3, № 166, с. 86. Цитируется по: МИТЛЯНСКАЯ Т.Б. Указ. соч.-С. 48.

<sup>11</sup> ПУНИН Н.Н. Указ. соч. —С. 20-22.

<sup>12</sup> Там же. —С. 27-28.

<sup>13</sup> ТУГЕНДХОЛЬД Я.А. Искусство народов СССР. Искусство Октябрьской эпохи. —Л., 1930.-С.95-96.

14. Там же. —С. 80.

**Список иллюстраций:**

1. Т. Вылко. Мыс Дровяное. 1950-е гг.

2. К. Панков. Весна. 1940 г.

(Окончание в следующем номере.)

## ВТОРОЕ ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ И ЭТО ПРАВДАВЕДНЫЕ ЦРОКИ

Многое уже написано об этом и успело забыться. Уже миновала чередá отмежеваний почти всех, чьи фамилии могли хоть как-то оправдать затею с разделом округа, и нигде не доводилось читать или слышать слов глубокого народного удовлетворения посулами грядущего процветания под рукой западного соседа. Там, где свердловчане более или менее открыто заявляют о своих намерениях перед лицом местного населения, они встречают отпор. И тем не менее тема, которая выглядела однодневкой, подает заявку на долгожительство. Дело екатеринбургских народолюбцев с их бессмертным лозунгом «За Мансийский автономный округ!» (со свердловской спецификой) живет и исправно выполняет свою провокационную роль. Газета «Манси маа», этот коллективный пропагандист и агитатор, продолжает свои манипуляции историческими фактами в подтверждение тезиса о фатальной невозможности выживания мансийского народа в существующих границах.

И вот уже у неравнодушных людей возникает потребность ответить, вступить в публичную полемику, привести контраргументы. Уже в «Новостях Югры» появилась статья, подсказывающая екатеринбуржцам новое — западное направление их территориальных притязаний: Пермь — вот земля, где надо искать братьев-вогулов. Значит, провокация удастся, завязывается историческая дискуссия на тему: «А почему аборигены съели Кука?»

Но не лучше ли в этой ситуации переключить внимание с истории на ту группу товарищей, которая затеяла столь же небескорыстное и несправедливое, сколь и безответственное мероприятие? Присмотревшись к их действиям на избранном поприще, к набору используемых средств, к их, так сказать, «творческому поведению», приходится признать, что эти люди, действующие одновременно и расчетливо, и безрассудно, представляют определенный интерес. Они интересны своей готовностью взять на себя любую тяжелую ношу — хоть спикера неизвестно кем избранного совета старейшин мансийского народа, хоть редактора печатного органа «Верховного Совета и Совета Министров Мансийского автономного округа». Они готовы осознать себя потомственными вогуличами и этим на порядок увеличить действительную численность народа. Они могут осчастливить аборигенов дарением бус и железных ножей и в два счета докажут, что Урай необходимо срочно переименовать в Нью-Москву. Редкостный энтузиазм даже по меркам тридцатых годов!

Набор средств, коими пытаются вторично покорить Сибирь, поучителен с точки зрения познания технологии любого несправедливого, неблагоприятного дела. Здесь, например, широко используется подмена: экономическая проблема подменяется этнической, история и культура — политикой, договорные отношения — силовыми, свои трудности — трудностями соседей, действительно — желаемым. Знакомые правила — «цель оправдывает средства», «разделяй (хантов и манси) и властвуй», «главное — ввязаться в драку, а там посмотрим» — действуют, как мы видим, и здесь. Санкционированный в Екатеринбурге и Москве «конгресс культуры мансийского народа» в ходе работы перерождается в «учредительный конгресс» и вот он уже избирает «Национальную Палату Верховного Совета Мансийского автономного округа». С равным основанием он мог бы избрать английский

парламент. Чем-то знакомым веет от этого молодецкого игрища. Еще немного и конгресс, организуемый и направляемый умными людьми, объявил бы себя правомочным решать любой вопрос. Видно, такая у этих людей работа, что любую влагу приходится принимать за божью росу.

Рассматриваемая тема — пример того, насколько наше общество проникнуто тоталитарным духом. Если удалось заручиться чьей-то поддержкой в центре, то нравственный закон послушно отступает перед непререкаемой целесообразностью, диктующей свой бюрократический порядок. «Так надо!» — и появляется скромненько и со вкусом скроенный лозунг дня: «За Мансийский автономный округ!» «Надо» — и группа молодых людей, из которых, может быть, не все год назад знали само слово «манси», берет на себя миссию выразителей вековых чаяний мансийского народа.

И быстро находят готовые к сотрудничеству на основе столь «свободных» правил игры. Городские власти Урая оказывают гостеприимство организаторам конгресса, подавив в себе естественный вопрос: а не «липа» ли это? Эти же власти не слишком тревожатся, в состоянии ли они выполнить постановление Правительства Российской Федерации о создании в Урае культурно-просветительского центра народа манси, самое ли это подходящее место для размещения такого центра. И Уральское отделение Российского международного фонда культуры ничтоже сумняшеся вступает в ряды бойцов, становясь учредителем газеты «Манси маа». Этой ли авторитетной организации включаться в политическую игру столь сомнительного свойства?

Пока что игра идет втемную и на «театре военных действий» мы видим авангард легкой кавалерии, ведущей разведку боем. Он бы не зашел так далеко, не будь ему это позволено. Но кем? Главные силы остаются в тени и неизвестно, выступят ли они когда-либо на свет. Что на уме у стратегов, каким образом они хотят ампутировать половину округа? Тайна сия велика есть. И хотя член малого Совета Свердловской области юрист Л. Тарабанчик заявляет (см. «Новости Югры» за 25 марта) о расхождении во взглядах с редакцией «Манси маа», не из Ханты-Мансийска и Тюмени, а из Екатеринбурга был приветствован восхитительный урайский конгресс. Да и непотопляемость «Манси маа» при очевидных нарушениях закона, ее способность к мимикрии, непринужденность ее маневра говорят о том, что за ней стоят сильные и богатые покровители отнюдь не в лице фонда культуры. Случайным стечением обстоятельств все вышеупомянутое не назовешь, это звенья некоей спланированной и координированной акции, единого плана мероприятий.

Налицо заинтересованность руководителей соседней области в расширении границ. Свердловской индустрии тесно в этих границах. Но не нужно искать выход с помощью вчерашнего набора средств. Вполне отчетливый уже почерк говорит: не одержимость желанием обеспечить счастливую жизнь манси в отдельно взятой Свердловской области движет идеологами территориальной экспансии (этот популистский мотивчик слишком уж заезжен). Скорее, они хотели бы заново колонизировать территорию — мол, было ваше — стало наше — и брать ясак уже не мягкой рухлядью, а нефтью и лесом.

Если они добьются своего, никакого чуда не произойдет, как бы мы ни любили все чудесное. Темы эксплуатации ресурсов территории, «деланья ракет и перекрытия Енисея» вполне вероятно, еще усилятся, и мы не раз услышим вновь, как уничтожение среды обитания будут мотивировать жизненными интересами населения. Такой подход опоздал на 400 лет. Пытаться повторить подвиг Ермака Тимофеевича, но уже не военной силой, а бюрократическими манипуляциями, не стоит, это фарсовый путь повторения пройденного. Не нужно авантюрными средствами добиваться того, к чему равноправные стороны могут прийти только путем договоренности и согласования интересов.

# ХЛЕБ КОНДЫ

Наш Кондинский район отличается от других местностей округа своей плодородной землей. Население бывших Леушинского и Сатыгинского сельских Советов, а ныне Ягодинского и Половинкинского раньше занималось хлебопашеством и хлеборобством. Еще до войны между поселками Лиственничный и Леуши была размещена Кондинская машинно-тракторная станция (МТС), которая вплоть до 1958-59 гг. оказывала помощь сельхозартелям района в посеве и уборке урожая. А таких артелей до 1952 года было 18. Они выращивали озимую рожь, яровую пшеницу, овес, ячмень, картофель, корнеплоды. Все это родилось на кондинской земле.

В сельхозартелях работали не только спецпереселенцы, но и местные манси. Полеводством, наряду с охотой и рыбным промыслом, занимались такие деревни, как Евра, Лева, Чекатка, Кучук и другие. Рыболовецкие колхозы, как и сельхозартели, сеяли овес, пшеницу, садили картофель и прочие корнеплоды. Но зерновые родились не везде. Болотистая местность тому причиной или что-то другое, но в нашей деревне Пантрашкиной родилась рожь-ярица.

Крупным хозяйством был колхоз «Красная поляна» в пос. Лиственничном. Поблизости от него находились МТС и сельскохозяйственная опытная станция, которые помогали колхозам правильно подбирать и обрабатывать семена зерновых культур, возделывать поля. Председателем «Красной поляны» долгие годы работал Павел Михайлович Черепанов, его дети и другие родственники и ныне живут в Лиственничном.

Характерно то, что зерновые в районе выращивали в основном по правому берегу Конды в ее среднем течении и по Сатыгинскому и Леушинскому туманам. Это места, поросшие хвойными лесами, где около шести десятков лет назад начались лесозаготовки. Правда, есть лесные массивы и по левобережью, по речкам Тап, Мулымья, Супра, Юконда и другим — ведется заготовка леса и здесь, но в значительно меньшем объеме. Лесов за это время сильно поубавилось, но и посевные площади не увеличились, а наоборот, сократились, выращиванием зерновых культур в районе теперь никто не занимается. А надо бы возродить это производство хотя бы для обеспечения фуражом.

В довоенные годы в районе было много ветряных мельниц, в некоторых деревнях и по две. А колхоз «Красная поляна» имел даже механизированную паровую мельницу. Все они исчезли к концу пятидесятых годов. С 1951 года колхозы стали реорганизовывать в совхозы, рыбартели и коопзверопромхозы, а колхозы деревень Сотник и Юмас превратили в подсобные хозяйства лесной промышленности. И в итоге от них почти ничего не осталось. Совхозы влачат жалкое существование, а хозяйства, переданные в рыбную и другие отрасли, распались и погибают. А хорошо бы здесь возродить былую жизнь. Если деревни оживут и станут прибыльными, в них задержится молодежь, а где молодежь — там перспектива.

Н. Колымов.

# ПРАКТИЧЕСКАЯ СИЛА ТОРФЯНОЙ НАУКИ

*Б. Сыртин*

О болотах Приобья написано в каждом учебнике школьной географии. Но только как о ландшафте. О болотах, которые хранят громадные ресурсы торфа, говорится одной строкой.

А между тем, по данным Гипроторфа (Москва), только в Нижневарттовском районе имеется 768 месторождений с прогнозными запасами торфа около 11,9 млрд. тонн условной 40-процентной влажности. Две трети месторождений можно использовать для хозяйственных целей.

Эти цифры я узнал от А. Ямпольского, кандидата экономических наук из Гипроторфа на экологической конференции, проходившей в Нижневарттовске в марте прошлого года. Тогда он и познакомил меня с большим знатоком здешних торфяников, нижневарттовцем В. И. Толстограем, рекомендовав его как «практическую силу торфяной науки».

О благоприятных предпосылках промышленного освоения в районе нового вида ресурсов А. Ямпольский говорил много и убедительно. Препятствием для добычи не является даже то, что лето здесь сравнительно короткое и не всегда жаркое, что важно для полевой сушки торфа. А уже дополнительные стимулы должны бы убедить кого угодно: создание новых рабочих мест в условиях снижения объемов добычи нефти, предотвращение оттока населения, широкий рынок сбыта торфопродукции, учитывая отрицательный ее баланс в восточных районах России.

Прошел почти год. За это время только дважды краем уха слышал о проблемах использования торфа: летом в городе на пустыре в порядке эксперимента уложили торфяной ковер, и арендное предприятие Черногорьнефть заинтересовалось «болотными велосипедами» — машинами, с помощью которых можно вести работы на залитых нефтью торфяниках. Но сведения были отрывочные, и чтобы прокомментировать их, я привлек В. И. Толстограя. Он теперь возглавляет НПЦ (научно-производственный центр), работает в тесном контакте с МАП (малым арендным предприятием) Инженерстрой.

Валерий Иванович выкроил время для беседы, хотя и не очень верил в мой искренний интерес к торфяной перспективе района. А в конце разговора признался, что за последнее время многим и много рассказывал об этой перспективе, но мало встретил энтузиастов. Всех интересует сиюминутная выгода, мгновенная отдача, будто это магазин, где на продаже каждой шоколадки или бутылки водки можно получить сверхприбыль. Ему так и говорят некоторые местные финансисты: ну хорошо, дам тебе сегодня 20 млн. рублей, а сколько ты мне вернешь завтра? Но завтра и послезавтра он не вернет: новое производство надо запустить, отработать технологию, а уже потом получать прибыль.

Он уж и тактику убеждения сменил: раньше доказывал экономическую целесообразность, теперь пытается воздействовать на человеческие чувства. Не будем заниматься торфом, говорит он, — попросту помрем. Торф — это мелиоранты, которые позволяют земле родить. Торфом можно очистить загрязненные малые реки, питьевую воду, наконец. С помощью сорбентов из торфа можно ликвидировать последствия разлива нефти. На осушенных торфяниках будут расти леса, как в Подмосковье, Белоруссии, Ленинградской области. Торфяными коврами можно застелить города, построенные на песке. Словом, торф — это жизнь!

Но, видно, не пришло еще время понимать это. Оставив пока идею глубокой переработки, Толстограй занялся так называемым попутным торфом, тем самым, что вынимают из земли на местах будущих стройплощадок (раньше отвалы вырастали

ежегодно на 250-300 тысяч тонн). Эх, были бы строители поаккуратней, не так варварски делали выторфовку, сортировали бы при складировании — цены такому мусору не было бы. Толстограй убеждает в этом механизаторов, просит отвести территорию, где можно эту работу вести с размахом. Но не все его слышат пока.

Между тем кое-кто уже оценил первичный потенциал торфяных отвалов. Малое арендное предприятие Инженерстрой взялось выращивать дерновые ковры: первые из них и уложены на кольце улиц Ленина и Чапаева. Будущее лето покажет, насколько правильно подобрана смесь трав. У Толстограя есть сомнения в одном из растений, но в целом в успехе он уверен. Арендное предприятие Черногорнефть также заказало торфопокрытие на пойменные кустовые площадки, которые постоянно размываются половодьем. Их ежегодно отсыпают заново, а вода по весне сносит песок. Ковры из торфа и способны защитить такие площадки. И огромная экономия, и вид другой будет — разнотравье рядом с нефтяными качалками, как в Канаде.

Геофизики тоже ухватились за идею: а нельзя ли коврами закрыть следы от сейсмических взрывов и рекультивировать таким образом нанесенные земле раны?

В. И. Толстограя не смущает подобная «меркантильность», когда все пока обращается к этому органическому веществу из прикладных соображений, отбрасывая в сторону всякий другой интерес. Переболел он той первой любовью, когда считал, что все человечество должно спать и видеть «торфяные» сны. А также знать о том, например, что из него можно получить активные угли, сырой воск, кормовой сахар, гранулированные удобрения, стимуляторы роста растений, гумусосодержащую суспензию, что торф имеет лечебные свойства, которые знали наши предки. . .

Валерий Иванович, еще работая в НижневартовскНИПНефти, вместе с другими учеными-инженерами мечтал о великом будущем нижневартовского торфа. Но что поделаешь, если практицизм давно держит за горло весь мир! Одни предлагали подождать, когда можно начать эпопею глубокой переработки здешних верховиков. Но можно и по-другому, считал В. И. Толстограй: периодически подбрасывать предпринимателям, руководителям кусочки торфяного пирога, пусть появится аппетит на весь пирог. Сначала торфодерновые ковры для города, потом торфоминеральные смеси для огородников, потом сорбенты для нефтяников. Более того, по мнению Валерия Ивановича, торфопромышленность в обычном виде в нашем регионе не может быть прибыльной. Рентабельность ей может обеспечить как раз то, чем сейчас занимается его НПЦ, плюс глубокая переработка, которая пока только в проектах.

Пусть его кто-то осудит за отступничество, за измену чистой науке, за то, что он стал предпринимателем, организовав собственную фирму — НПЦ. Но сегодня к его разработкам есть практический интерес. Это тот рентабельный хвостик, который надо приделывать к торфопроизводству, пока не заработает глубокая переработка.

Кстати, о сорбентах. Что это такое? В данном случае — торф, способный поглощать (сорбировать) нефтепродукты. Такое свойство торф приобретает, если его немного «поджарить» без доступа кислорода. Гидрофобный торф на Западе уже давно вытеснил другие сорбенты, потому что он дешевле, а по эффективности им не уступает. Им обсыпают рецидивные места, где возможны разливы нефти, узлы задвижек и т. п. — там, где мы обычно используем песок. Но песок надо намыть или завезти — сколько природе ущерба. А торф рядом.

И о «болотном велосипеде» тоже, наверное, надо рассказать несколько подробнее. Дело в том, что есть куча машин, которые могут ездить по болотам. Но нет таких, на которых можно работать. Между тем, если совместить в одном агрегате функции болотохода и канавокопателя, получится то, что надо. На нем можно заехать на пострадавшую территорию (после откачки нефти), взрыхлить пленку, удобрения подбросить или раскислить (ведь семена растительности внутри почвы остались) — и через 4-5 месяцев территория может ожить.

Конечно, несколько лет назад об этом мало кто задумывался. Но когда вышел новый закон об охране природы и экологами дали возможность применять к нефтяникам огромные денежные штрафы, промысловики стали искать рекультивационную болотную технику. Валерий Иванович, изучив возможности имеющихся

агрегатов, предложил сконструировать гибрид на базе двух машин — восьмиколесного болотохода и канавокопателя. В принципе образы «велосипеда» в шести экземплярах уже были, надо было только пыль стряхнуть с забытых машин. Черногорцы как раз проявили интерес к такой технике. . .

В первый раз, когда я познакомился с проектами создания здесь торфопромышленности, мне стало страшно: виделось пространство, перечерченное квадратами и прямоугольниками осушительных канав, горами посеревшей безжизненной земли, оторванной экскаваторами от питательных соков. Прощайте, чудесные морошечные болота, кочки, усыпанные клюквой! Прощай, характерный для Сибири ландшафт!

И я высказал свои сомнения А. Ямпольскому на той же конференции в марте прошлого года. Он успокоил: торфоразработки не разрушат ландшафта, не нанесут ущерба ягодникам, местам, имеющим промысловые значения для местного населения. Никто из участников конференции, среди которых были специалисты в области природопользования, не опроверг его.

Об этом же я спросил и у В. Толстограя.

— Я всегда говорил своим оппонентам, что торф — единственный ресурс, который постепенно восстанавливается. У нас ежегодно заболачивается 0, 3 процента территории. В итоге в России торфа добывается меньше, чем его прирастает. А кроме того, торфяники после выработки — не бросовая земля. В Подмосковье, в Тверской, Ленинградской областях половина сельхозугодий — поля, леса находятся на бывших торфяниках.

В прошлом году В. И. Толстограй передал региональному комитету госкомприроды экологическое описание торфяного фонда. Вот здесь вытекает ручеек — это нельзя трогать; если здесь осушить — кедрач погибнет; там клюква, гнездовища. . . Вот по этому принципу надо рассматривать схему торфоразработок, отводить места для пользования.

Но всей этой перспективе не хватало главного звена — глубокой переработки. Говорить о торфе с точки зрения горючего природного материала или органического материала для сельскохозяйственных нужд равносильно, что говорить об алмазах как о сверхтвердом материале, забывая о его ювелирных ценностях.

— Дальше всех в смысле глубокой переработки пошел Лангепаснефтегаз. В объединении уже есть ТЭО (технико-экономическое обоснование), отведен торфяной карьер, ведётся его осушение. Я читал ТЭО, документы, обосновывающие уникальность этого проекта. Судите сами: предприятие по добыче и комплексной переработке способно будет ежегодно выпускать 43 тысячи тонн кормового сахара, 860 тонн сырого воска, 5000 тонн активных углей. Достаточно сказать, что активные угли у нас выпускает единственный в России Электростальский завод. Тонна этой продукции стоит в 2-3 раза дороже, чем нефть. В отечественной и мировой практике аналогов подобному производственному комплексу и предусмотренной прогрессивной технологии нет. А значит, есть хорошие предпосылки эффективного экспорта активных углей да и торфяного воска.

Лангепас занялся этой темой, но у него есть сложности: проект стоит около миллиарда рублей, где найти инвесторов, какие финансовые структуры способны финансировать создание новой отрасли в регионе, зная, что отдачу получают не сразу.

При ООН есть организация, которая в прошлом году продекларировала, что будет финансировать уникальные стройки в странах СНГ. Лангепасцы подготовили бумаги — обоснования и уникальности, и окупаемости. Ведь того же воска Россия производит всего 400 тонн, а лангепасский торфокомбинат мог бы выпускать 850 тонн. Дай Бог, чтобы это прозвучало убедительно.

А пока надо поддерживать интерес к торфу хотя бы на уровне, который достигнут. Появился подрядчик в лице Инженерстроя, который использует попутный торф, приводит в порядок его отвалы. «Инсэлко Холдинг ЛТД» пытается заняться сапропелем. Мелиоранты, торфопометные земли — это товар, который имеет огромный спрос и у нас, и за рубежом и ждет только своего производителя. . .

Словом, как бы то ни было, год не прошел даром. Торфоперерабатывающая промышленность как таковая, еще не сделав ни шагу, начинает осваивать рынок. Пока — местный.

# МАЙСКИЕ БУДНИ

## СУРГУТЯН В НАЧАЛЕ ВЕКА

С освобождением рек ото льда заканчивался весенний утиный промысел. По возвращении мужчин домой в семьях начиналась трудоемкая работа по разделке дичи, в нее включались все и даже приходили помогать родственники, соседи. Это станет понятным, если я скажу, что в удачную весновку одним перевесом отлавливали по 1000-1500 уток (чирков, острохвостов, связей, реже — плосконосов, селезней, лутков, гоголей, чернети).

Моей первой мальчишеской обязанностью по возвращении с весновки было разнести гостинцы, по 2-3 утки, родным, знакомым, одиноким пожилым людям. На это уходило 2-3 дня, после чего я тоже садился в семейный круг очищивать уток.

Работа кипела целыми днями: кто очищивал, кто опаливал тушки на небольшом костерке, разведенном на шестке русской печи, чтобы сжечь остатки пуха, кто потрошил их и соскребал нагар. Затем солили уток в деревянных кадках и помещали в погреба-ледники, куда в начале весны закладывался речной лед.

Отцы семейств тем временем готовили инструмент: точили топоры и поперечные пилы, разводили зубья пил. И как только заканчивалась обработка и засолка уток, ежедневно семьями же выходили в лес — за Сайму, в Кривую и Прямую Вершины, Первую и Вторую Кедровые — на заготовку дров. Дрова готовились в основном из сосны и березы, первые расходовались в теплое время года, а вторые жгли зимой, особенно в морозы. Лес заготавливали свободно, каждый хозяин сам выбирал делянку, где выборочно спиливались деревья. Их разделявали на полуметровые чурки, затем раскалывали и складывали в поленицы, каждая была рассчитана на два-три зимних воза. Поленицы оставались в делянках все лето, и дрова хорошо просыхали, с установлением сапного пути их постепенно вывозили на подворье.

В пору заготовки дров сургутяне, от малого до старого, увлекались жеванием серы (смолы) лиственницы, которая часто попадалась на стволах поверх коры в виде желтых капель и потеков, похожих на янтарь. Сера, находящаяся в коре 2-3 года, подсыхала, как бы кристаллизовалась и уже была такой липкой, как свежая, только что выступившая.

Когда заканчивалась заготовка дров, уже совсем немного времени оставалось до варовой поры — летнего лова рыбы, и промысловики принимались готовить орудия лова и лодки.

А. Кузнецов.

# О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

Т. Исаева, научный сотрудник Сургутского краеведческого музея

При анализе археологических и этнографических исследований культуры древнего и современного населения Среднего Приобья ярко прослеживается преемственность духовных традиций.

Преемственность как общекультурная тенденция может быть более предметно рассмотрена и подтверждена при изучении материальных и духовных фрагментов культуры конкретного этноса. Изберем материалом для такого рассмотрения некоторые этно-археологические элементы, составляющие результат изучения культуры среднеобских хантов.

Так, среди древних зооморфных изображений широко распространены изображения соболя. К примеру, на костяном гребне, найденном на Соровском городище (начало I тысячелетия новой эры). Щиток его украшен фигурками двух соболей, которые не имеют задней части и как бы объединены одним туловищем, по которому проходит символическое изображение линии жизни. Кроме того, на шее одного из зверьков имеется пять поперечных полосок, что соответствует и ныне представлению о душе. Женщина имеет четыре души, мужчина — пять. Отличие мужской особи изображалось нечетным количеством каких-либо знаков. Таким образом, изображение пары соболей может символизировать продолжение рода, а сам зверь — силу и могущество, связанные с богатством. Но данный гребень имеет и определенную сакральную значимость, ибо он был найден на святилище. Кроме того, изображение соболя может говорить и о принадлежности его владелицы к роду соболя.<sup>1</sup>

Существует множество подтверждений широкого распространения рода соболя, одно из них — наличие родовых знаков — тамги.

По ним можно судить не только о степени распространения рода, но и о направлении этого распространения. Так, Ю.Б. Симченко

отмечает распространение рода соболя из Сургутского в более северные уезды. Но если достаточно часто, по три-четыре раза, род соболя в XVI веке фиксируется в нескольких волостях Сургутского уезда, то в Березовском гораздо реже. Впрочем, позднее произошла обратная метаморфоза<sup>2</sup>.

В могильнике Релка (VI-VIII века н.э.) также были найдены предметы с изображением соболя. Одно из них — бронзовое литое изображение «Соболь, стоящий на голове лося». Соболь изображен очень реалистично. Его широкий лоб, крупные лапы с хорошо выделенными когтями могли символизировать только мощь, силу и богатство. Что, собственно, и обеспечивал ценный соболий мех<sup>3</sup>.

Что касается более позднего изображения соболя, то оно встречается и сейчас, но уже как более схематичное. Существует несколько видов и соболиных орнаментов.

Ближайшим аналогом Релкинского мотива можно назвать орнамент «На голове небесного зверя сидящий с крестом соболь». Существуют и другие: «На березовой ветке сидящий соболь», «С пезвием топора соболь», «Крестом добавленный соболь»<sup>4</sup>. Как мы видим, изображение соболя дополнено различными деталями. «Одинокий» же соболь, как отмечают археологи, исследующие Среднее Приобье, встречается не часто. Это касается и этнографических исследований, однозначность результатов которых в этом смысле нарушается разве что «поведением» тамги. Но среди родовых знаков и вообще редко можно встретить тамги, состоящий из нескольких фигур.

Таким образом, зооморфное изображение — соболь присутствует в культурных традициях населения Среднего Приобья с конца железного века и до наших дней, хотя соболь как символ никогда не был преобладающим. На это указывает и неравномерность его распространения, уже отмеченная

<sup>1</sup> Чиндина Л.А. Соболь в пластике Среднего Приобья. — Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. — Новосибирск, 1981 г., стр. 144-148;

<sup>2</sup> Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. — М., 1965, стр. 120;

<sup>3</sup> Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — Археология СССР. — М., 1987, стр. 216-346;

<sup>4</sup> Молданова Т.А. Орнамент «Соболь». — «Югра», № 2, 1992, стр. 48-49.



На голове небесного зверя сидящий соболь с крестом.



На голове небесного зверя сидящий соболь на две стороны.

выше: если в середине XVII века соболь-символ преобладал в Сургутском уезде, то в более позднее время основной территорией его распространения становится Березовский район и сейчас он распространен на Казыме.

Антропоморфные изображения имеют, конечно же, иной характер. Здесь одной из определяющих черт является изображение волос. Чаще это длинные волосы, заплетенные в косы, иногда, наоборот, распущенные, а порой и изображения без волос. В этой связи интересны поверья и обряды, связанные с волосами, и бытующие поныне. Отсюда нетрудно восстановить уже исчезающий сейчас обычай ношения кос мужчинами. Так,

в начале даже нашего века мужчины заплетали длинные волосы в косы, подтверждением тому — многие фотографии этого периода (фонды СКМ). Конечно же, это было вызвано не только практическими соображениями, но имело и иные, более глубокие, духовные основания. Ведь волосы не только красота человека, но и средоточие его души. Считалось: человек, лишенный волос, лишен и души.

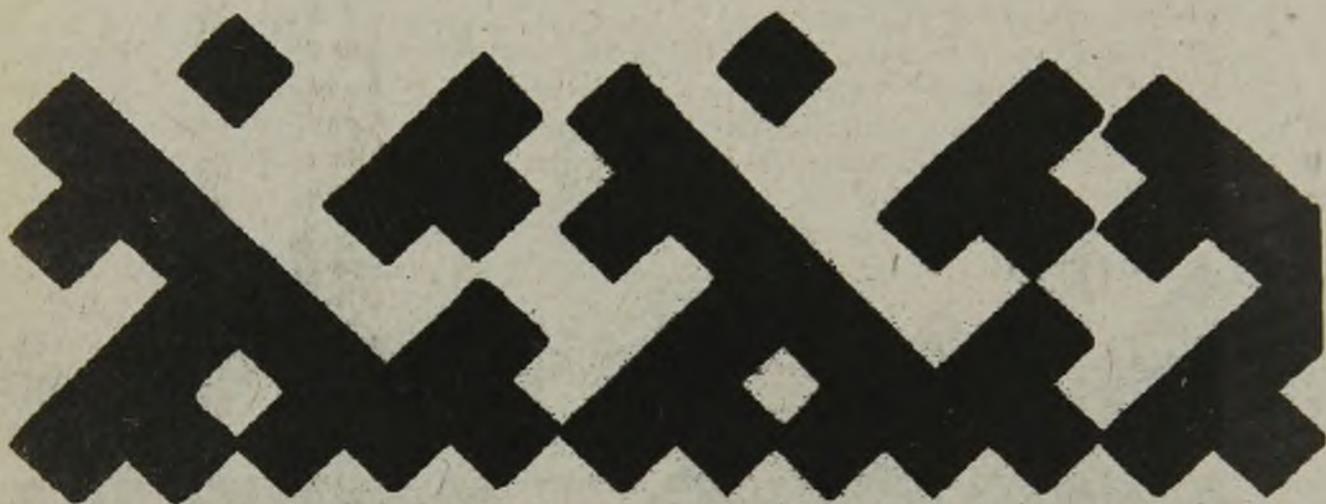
Существуют, к примеру, обряды, предписывающие распускание волос — тем самым отпускается душа. Так, при похоронах мужа женщины распускали косы в знак того, что душа их временно отпущена, отпущена

часть души, часть самой себя. При смерти же женщины распускали косы как самой покойной, так и ее мужу — при жизни их души были вместе, а после смерти душа супруга отпускаясь. Но и объединение мужчины и женщины символизировалось тем же ритуалом — распусканием волос невесты. Таким образом, во время свадебного обряда душа молодой женщины становилась частицей души мужа.

Поэтому не случайно и различие в украшениях головы и волос — ложные косы, косоплетки и прочие украшения широко были распространены на данной территории.

Преимущество культуры среднеоб-

ских хантов поддерживается, как и у любого другого этноса, не только неповторимостью условий исторической кристаллизации обрядов, верований и т.п., но и естественным стремлением этих компонентов культурного облика любой народности к некоторому обобщению. Такое переплетение индивидуальных и универсальных черт в культуре этноса называется и на изучении отдельных ее элементов — необходимо, к примеру, не только выявить оригинальность того или иного украшения, но и подчеркнуть общие его черты с другими. Это нетрудно сделать, рассматривая материалы, связанные с описани-



На задней лапке сидящий соболь.



На берёзовой ветке сидящий соболь.

ем древних кладов, могильников, то есть связанные с описанием результатов археологических раскопок, и, с другой стороны, изучая украшения, существующие сейчас.

Так, среди мужских украшений наиболее распространенным был и остается сейчас пояс. Он — почти единственное украшение мужчины. Назначение его многообразно. С одной стороны, чисто практическая необходимость — подпоясывание одежды. С другой стороны, к поясу крепится нож и другие принадлежности. Ношение пояса имеет и мировоззренческую подоплеку — участвует в формировании представлений о человеке и душе. У мужчины, как уже упоминалось, имеется пять душ. При этом мужское достоинство, физиологические особенности тела как бы завершали его половину, принадлежащую «нижнему» миру, в то время как голова венчала то, что принадлежит миру «верхнему». Иными словами, обе половины тела понимались как самостоятельные, законченные, а пояс как бы проводил грань между верхом и низом, имеющими каждый свою «голову». Богато украшенный бляшками, цепочками и прочими атрибутами, он оберегал «мужскую душу»<sup>1</sup>.

Если этнографические толкования помогают выделить общие черты, единство назначения различных элементов этнокультуры, то археологические материалы важны по преимуществу тем, что позволяют описать единственные в своем роде, а порой и просто случайные формы в предметном многообразии культурных проявлений.

Так, археологические материалы свидетельствуют не только о наличии поясов, но и конкретных особенностях изделий. Провожая усопшего в нижний мир, его снабжали всем необходимым для жизни, отсюда и археологическая значимость могильников — в большом количестве сохранились металлические украшения поясов, пряжки, а в некоторых случаях и кожаные пояса, сохранившиеся благодаря окисям металлов, украшавших его. Археологический анализ позволяет сделать вывод, что существовали и не сохранившиеся до наших дней поясные изделия из других органических материалов. Различные пояса и по форме, бывают длинные и корот-

кие, широкие и узкие, украшенные различными подвесками и бляхами. В этом смысле оригинальны и даже забавны современные металлические украшения поясов — часто это армейские пуговицы. Быть может, когда-то это станет археологической приметой текущего периода в этнической истории хантов.

Если поясные изделия, орнаментированные зооморфными изображениями, являясь едва ли не единственным мужским украшением, несли еще и функциональную нагрузку, то женские украшения, напротив, имели эстетический смысл и были более символическими. Они были расположены по преимуществу в четырех местах, что соответствует представлениям о душе женщины. В наше и древнее время — это украшения, прикрывающие косы, голову, шею и грудь, а также красочный пояс и богато орнаментированная обувь. При этом украшения явно оберегали и сохраняли эти части тела с расположенной в них душой<sup>2</sup>.

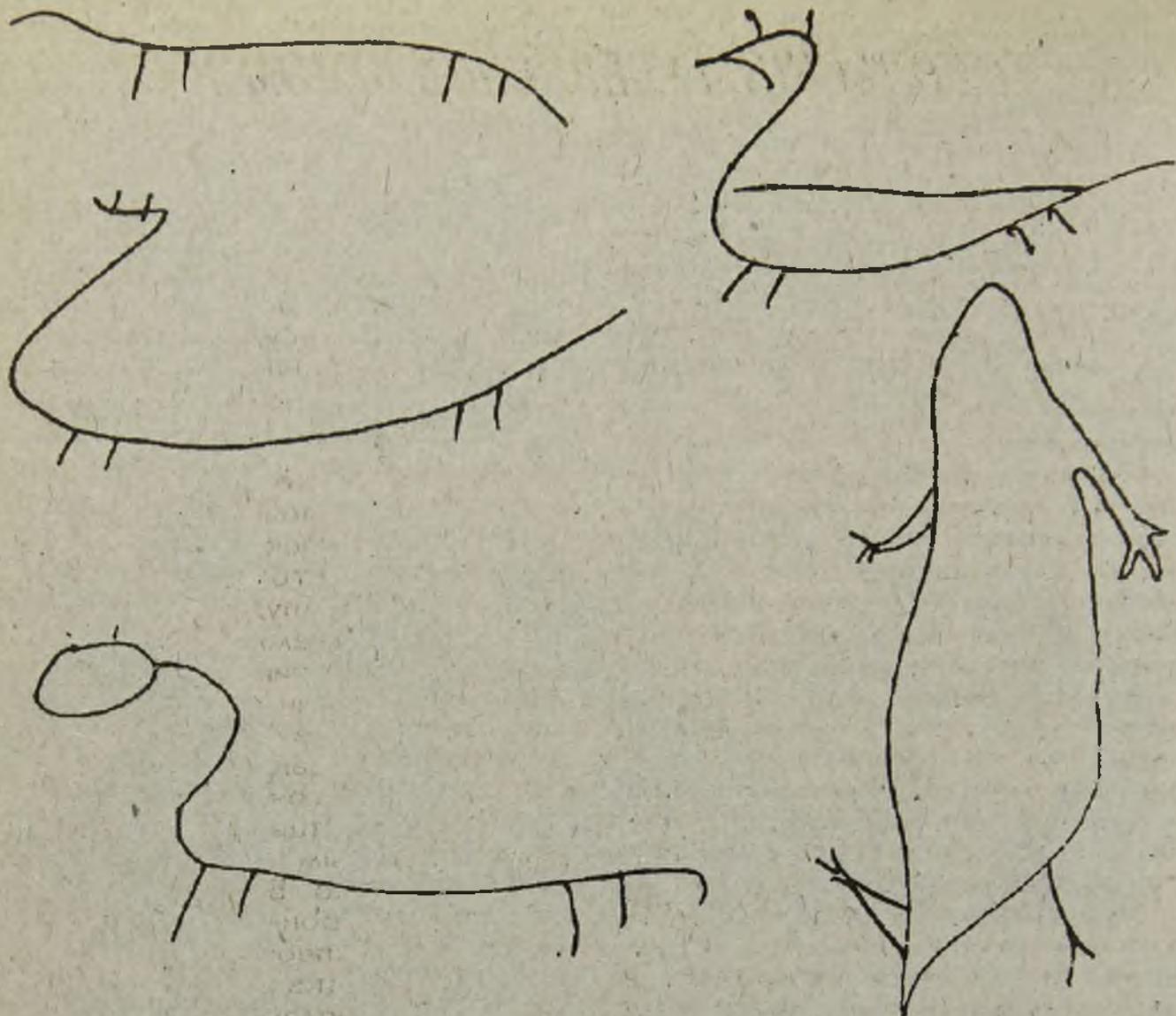
Что касается украшений головы и волос, то среди украшений, найденных на археологических памятниках (Сайгатино, Барсова гора), имеются различные зооморфные подвески — шумящие, лапчатые, в виде лапки водоплавающей птицы; височные кольца. Среди нагрудных и шейных украшений — гривны, очелья, различные бусы, состоящие из нескольких нитей.

В современных украшениях есть множество отличий в зависимости от территории бытования, но все они имеют и общие черты, что разрешает определенную типологию. Так, накосные украшения — это подвески с шумящими деталями на концах (монеты, колокольчики), костяные гребни; шейные украшения — это шерстяная или бисерная полоска; нагрудные украшения — это и бисерные снizки, прикрывающие грудь, и воротники, богато украшенные бисером, металлическими отливками, пуговицами и прочими деталями.

При этом необходимо отметить, что попытки проследить преемственность культурных традиций, в частности, этноса ханты, должны исходить из анализа не внешнего вида, материала или техники изготовления какого-либо элемента культуры, например, украшений, а должны учитывать скрытый от поверхностного описательного взгляда сакральный подтекст, глубокое смысловое пред-

<sup>1</sup> Перевалова Е.В. Эротика в культуре хантов. — Модель в культурологии Сибири и Севера. — Екатеринбург, 1992, стр. 85-98; -

<sup>2</sup> Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. — Томск, 1984, стр. 10-36, 128.



Родовые знаки Сургутского уезда. Тамга «Соболь».

назначение порой и мелких деталей. Тем более, что вещи, несущие символическую нагрузку, могут быть просто заимствованы из других культурно-бытовых областей и как бы «перепрофилированы» под новый сакральный смысл.

Вышесказанное касается как элементов чисто символических, например, собственно женских украшений, так и элементов функциональных, например, самой одежды, ведь она имеет собственный, непосредственный смысл, благодаря тканевой и меховой мозаике, украшениям из бисера и пуговиц, орнаменту, выполненному по ней. Но реальность сурова в своей прозаичности. И смысловая основа украшения и орнамента часто теряется, остается лишь привычка украшения одежды и тела. Отношения орнамента и смысла становятся все более проблематичными, а

украшения головы и волос, как самые символически нагруженные, встречаются все реже и реже.

Собственно говоря, на наших глазах происходит распад многовековой культуры, где не было ничего случайного, каждая вещь и каждый знак были строго определены и четко обозначены. Так, на примере нескольких вышеперечисленных групп предметов прослеживаются определенные связи и некоторые традиции в духовной и материальной культуре населения, проживавшего на территории Среднего Приобья на протяжении веков. Именно общность данных традиций, их взаимообогащение в течение столь долгого времени и позволяют еще говорить о культуре народности ханты Среднего Приобья как о сохранившейся и многогранной.

# ТОБОЛЬСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ

1893 г.

По слухам, вновь назначенный исполняющим должность Тобольского губернатора, статский советник Николай Модестович Богданович, перед отъездом к месту назначения, будет представляться Государю Императору 15 сего января и прибудет в Тобольск в конце месяца или в первых числах февраля.

\* \* \*

В последнее время в Тобольске пробыл несколько дней обдорский самоедский старшина Павел Андреевич Александров, возвращающийся из Петербурга в место своей кочевки. П.А. Худи-Александров — сын самоеда старшины Андрея Николаевича, принявшего христианство в 1866 году. Отец Андрея — Николай (в язычестве Таимпуда Худи) первый из самоедов принял христианство в 1854 году. Восприемниками его были Великий Князь Николай Николаевич, давший Худи фамилию Александрова, и Великая Княгиня Мария Николаевна. Павел Андреевич до двадцатилетнего возраста был идолопоклонником и только в 1883 году принял христианство по воле своего отца, Андрея Худи-Александрова, которому за заботы о распространении христианства был Высочайше пожалован расшитый золотом кафтан. Теперь, со смертью отца, П. А. ездил в Петербург узнавать, как поступить с драгоценным подарком. П.А. получил право носить кафтан, дарованный родителю. Вместе с тем, он исходатайствовал разрешение и средства на постройку на месте его главной кочевки православного храма, а также хлебного магазина и порохового и оружейного складов. П.А. зимой живет в Обдорске, кочуя летом со своими стадами оленей по всему северо-западному побережью моря.

\* \* \*

Столичные газеты передают, что Государственный совет утвердил новый рыболовный устав, обеспечивающий сохранение и развитие рыбных пород. Уставом учреждена рыбопромышленная полиция с инспекторами, подчиненными министерству государственных имуществ.

\* \* \*

Лицами, проезжавшими на Ирбитскую ярмарку, сообщено, что, начиная от села Самаровского вплоть до Тобольска, не говоря уже о весьма неудовлетворительном состоянии тракта, редко когда исправляемого, существующие спуски с гор находятся в том невозможном состоянии, при котором проезжающие рискуют быть покалеченными. Таковы, например, спуски карбинский, алымский, кошелевский, демьянский.

\* \* \*

Высочайше утвержден под председательством Его Императорского Высочества наследника Цесаревича Комитет сибирской железной дороги. Первое заседание Комитета сибирской железной дороги состоялось 10-го февраля 1893 года.

# ОТ ТОБОЛЬСКА ДО БЕРЕЗОВА

*К. Губарев*

Во время рождественных святок в Березове, среди незатейливых развлечений, было отрадное, настоящее празднество: открытие женской школы.

Слышавши о ней мельком в Тобольске и дорогою, я с нетерпением ожидал этого праздника, чтобы узнать, в каком виде основывается школа.

В один из проведенных мною в Березове вечеров, спутник мой, возвратясь с экзаменов уездного училища, обратился ко мне с следующими словами: «Вы, К. Г., не можете себе представить, как я сегодня утешен: все готово к открытию женской школы и она имеет достаточные собственные средства; но об этом после поговорим, а теперь я скажу вам, что самоеды отвечали толковее и разумнее всех учеников и по всем предметам, особенно из арифметики. Удивительные у этих мальчиков способности, здравый смысл и быстрота соображения; т. е. как будто они не вместе с другими учатся». — «Куда же они поступят из училища? Нужно же дать им дальнейшее образование», — спросил я. — «У меня есть предположение, чтобы открыть несколько стипендий для остяков и самоедов при Т. . . й гимназии и при Казанском университете. Но для старшего из сказанных самоедов ничего не могу сделать. Воспитатель его уже затеял переписку о помещении его в семинарию и летом увезут. А между тем мальчик выказывает особенные способности к рациональным наукам».

Вскоре после этого я получил пригласительный билет к открытию женской школы.

В зале уездного училища собрались все чиновники, почетные граждане (купцы и мещане) и жены их. Особенно отраднo было глядеть на 24-х девочек, стоявших впереди (будущие ученицы). Дети с любопытством посматривали вокруг и друг на друга; пред глазами их совершалось необыкновенное явление: дети важных чиновников, купцов, мещан и казаков смешались вместе; прежде первым не позволялось видеться и говорить с последними, а теперь они все, без различия, будут рядом сидеть и учиться вместе. Из прочитанного отчета о суммах и о разрешении начальства на открытие школы я узнал, что к основанию женской школы березовцы не были побуждаемы ни воззваниями начальства, ни понудительно-пригласительными подписками к добровольным пожертвованиям, ни гуманною заботливостью жен высших мира чиновнического (как во многих городах хлопотали жены их пр-ств из желанья прославить свою гуманность в газетах); они взялись за дело вследствие собственного сознания, порожденного духом времени.

Найдя необходимым обучать грамоте не только сыновей, но и дочерей, березовцы, потолковав между собой, собрали значительную сумму на первоначальное устройство и, обязавшись вносить ежегодную плату, обратилсь к

начальству с требованием об официальном признании женской школы, где до открытия ее уже обучали детей. При таких зачатках школа эта, конечно, не падет, а принесет несомненную пользу, и для дальнейшего развития ее, право, не нужно опеки и особенной заботливости начальства.

К осуществлению благого начинания много содействовал тот же благородный, тихий П. . . И. . . Г. . . ц, о котором я говорил выше. Получая всего 1000 р. сер. содержания, он обязался ежегодно взносить по 100 р. с. , несмотря на единовременное значительное пожертвование. Семейные люди в открытии школы видели личный интерес, а он, человек одинокий, не имеющий других средств, кроме содержания по должности, и не подстрекаемый никаким личным интересом, помог очень значительно березовцам, единственно в видах общей пользы и по свойственной каждому порядочному человеку гуманности.

В устройстве школы принимала деятельное участие жена законо-учителя, принесшая некоторую лепту из своих достатков и принявшая на себя, по выбору общества, обязанность попечительницы. Учителя уездного училища обязались безвозмездно обучать и преподавать в школе.

Надо было видеть, с какою готовностью жены чиновников и граждан при открытии школы приносили жертвования материями, коленкором, холстом и прочими необходимыми для женских работ вещами. Положим, лепта их была недорога по ценности, но как поданная от чистого сердца, от проявляющегося без стороннего вмешательства желания помочь по силам, она заключает в себе много залогов к прочному будущему. По окончании обычных обрядностей, почетным гостем сказано было несколько слов о необходимости образования девочек, как будущих матерей, и о поднятом вопросе о значении женщины в гражданском обществе! Этот спич, не говоря об его новизне для березовцев, имеет свои последствия и взволновал тихую жизнь березовцев. . . В тот же день некоторые из жен, как я узнал, на грубые, деспотические требования мужей отвечали: ты чего кричишь? ты слышал, что генерал говорит: я не хуже тебя, не раба, а ровная тебе; я мать наших детей, хозяйка дома, блюстительница домашних интересов и прочее.

\* \* \*

При Екатерине II остяки и инородцы обложены были известным количеством определенного зверя по волостям. Впоследствии, по исчезновении некоторых пород зверей, например, бобров, такое распределение ясака сделалось обременительным для остяков. И в 1825-27 г. составлены особою комиссиею новые правила о взносе ясака, с дозволением оседлым инородцам уплачивать частные повинности деньгами и мелкими зверями: белкой, песцовыми лапами, неплюями (оленьими шкурками).

В последние 60 лет так называемые дорогие звери чрезвычайно уменьшились. В 1800 году было внесено в ясак соболей 776, а с 1850 по 1860 год всего 843; соболь преимущественно водится в Котской волости, по р. Ендре, Канде, Кандушке и прочим протокам; более двух третей означенного количества постоянно доставлялось из Котских городков, где даже в 50-х годах ловили по 60-ти соболей, но в 1861 г. всего представлено около 20-ти шкурок.

Бобр же, ещё с 1800 году, положено было в ясак 81, а выдр 64; в последние же 10 лет не поймано ни одного бобра, и молодое поколение инородцев даже не видело уже этого зверя; выдр представлено было всего 29. Черных лисиц, сделавшихся величайшею редкостью, ловят по одной и по две, и то не каждый год; чернобурые тоже переводятся; ежегодный взнос как этих лисиц, так и крестоватиков, простирается от 20 до 30\*.

\*Крестоватик — средняя порода между чернобурою и сиводушкою, она темно-рыжая с бурым по спине крестом; круп, задние ноги и хвост с проседью.

Порода простых лисиц, т. е. сиводушек и белодушек, не перевелась. С 1850-60 г. простых лисиц вносилось в ясак ежегодно от 300 до 400, из числа коих большая половина (почти две трети) по Обдорскому отделению, куда причислены бродячие остяки и самоеды\*.

Добыча известной породы зверя не обуславливается ни местностью, ни способом ловли; все зависит от случайности. Иноходец, ставя капканы и сети на лисицу, не может рассчитывать именно на этого зверя, чаще попадает заяц, а в обдорских тундрах песец. Иногда случается наоборот: в приготовленные для зайцев сети заманивается ускользящая от капканов лисица. При мне был случай: один бедный остяк Казымской волости, почти нищий, оплачивавшийся за взнос за него ясака личными услугами, нашел в заячьем капкане совершенно черную лисицу с маленькою проседью на хвосте, которая местною комиссиею оценена в 80 руб. сереб. Пример неслыханный! И действительно, подобной лисицы даже березовцы никогда не выдывали — она черная, как смоль, и необыкновенно пушиста. Самоедские старшины, к которым на показ, как редкость, привозили ее в Обдорск, сказывали, что им никогда не случалось выдывать такого зверя.

Собственно же количество улова зверя зависит от многоснежности и малоснежности зимы. Если зима многоснежна и ранняя, то улов плохой, потому что собаки проваливаются и не в силах гонять соболей, а лисицы редко выходят в открытые места, к норам же их трудно добраться. Вообще в подобную зиму зверь, оставляя прежнее свое обиталище, скрывается у самых отдаленных протоков и в непроходимых местах. По замечаниям инородцев, многоснежная зима обещает хороший улов на будущий год; да это и очень естественно: молодые звери, спасенные от капканов и собак, конечно, принесут к будущей осени приплод.

Остяки березовского отделения занимаются звероловством не ради удали, свойственной диким племенам, не ради выгод, а ради одной необходимости в уплате ясака. Впрочем, у сосвинских и казымских остяков бывают остатки. Главная промышленность березовских остяков рыболовство, которым они в больших размерах также не занимаются.

Оставляемые без надзора старшин, бродя по урманам за зверем и по протокам за рыбою, остяки, казалось бы, должны иметь между собою неприязненные столкновения и ссоры, одним словом, легко ожидать частых преступлений при их дикости, неразвитости. Между тем, остяки щадят жизнь другого и не посягают на чужую собственность. Инстинктивное ли сознание о безнравственности убийства и воровства, или боязнь подвергнуться наказанию останавливают их от важных преступлений, не знаю наверно; но криминальные преступления здесь редки.

По собранным мною в березовском окружном суде сведениям, оказалось, что с 1830 по 1862 год были признаны виновными в уголовных преступлениях и осуждены всего 21 человек\*\*, из числа которых 13 человек судились за убийство и за растление, 4 за угон вооруженною рукою оленей, 2 за кражу оленей и 2 за кражу и корчемство.

Эта ничтожная за 30 лет цифра много говорит о нравственной стороне инородцев.

\*Все сказанное мною здесь о звероловстве не относится к Сургутскому отделению, откуда ясак по сборе отсылается прямо в тобольское казначейство, и в березовском земском суде нет об этом ясаке подробных сведений.

\*\*В этой цифре заключаются остяки и самоеды и жены их. (Прим. автора)

# ИГРУШКИ ДЕТЕЙ ОБСКОГО СЕВЕРА

*И. Гудков*

«Ничто не заставляет так сильно чувствовать родство между европейцем и кафром, как наблюдения над играми детей, — пишет Кидд. — Почти всякую игру, в которую мы играем в Европе, знают и кафры».

Во время нашего пребывания на Обском севере нам удалось изучить быт местных детей и собрать коллекцию хантэйских (остяцких), мансийских (вогульских) детских игрушек и игрушек пян-хасово (лесных ненцев).

Хантэ, манси и пян-хасово живут на крайнем севере Омской области, в Остяко-Вогульском округе, главным образом по берегам многочисленных рек и озер. Занимаются рыболовством, охотой и оленеводством.

Хантэйские, мансийские, ненецкие игрушки отражают быт и хозяйственную деятельность этих народов. Широкое распространение среди малых народностей Крайнего Севера одинаковых по форме и содержанию игрушек объясняется вовсе не заимствованием, как это утверждают некоторые исследователи, а одинаковой стадией экономического развития.

Тематика игрушек и содержание игр пян-хасово, хантэйских и мансийских детей воспроизводят занятия взрослых.

У мальчиков мы встречаем фигурки оленей и нарты всех видов, сделанные из лучинок или выточенные из мамонтовой кости, оленью запряжку из кожи, «тяньзяны» для ловли диких оленей, свитые из мочалы или сыромятного ремня. Из хлебного мякиша или глины дети очень искусно лепят игрушки, чаще всего оленей и северных ласк, этих незаменимых друзей полярного охотника и оленевода. Лайки оберегают оленьи стада от волков, перевозят людей и тяжести, помогают в охоте на птиц и зверей и дают меха на одежду.

К игрушкам, связанным с охотничьим бытом, относятся фигурки птиц и зверей, ружья, луки со стрелами, силки на птицу и зверя.

С рыболовством связаны весла, удочки с самодельными крючками из булавок или поволоки, сети, сделанные из куска старой мережи, вешала для просушки невода и копчения на солнце рыбы. Сюда также относится игрушка, встречающаяся у кондинских хантэ, «худь-вязка» — рыба-вязка; взрослые вяжут ею сушеную рыбу. У детей рыбу заменяют древесные гнилушки.

Все эти игрушки служат средством подготовки ребенка для будущей деятельности охотника-оленевода и рыболова.

Игрушки девочек тесно связаны с семейно-хозяйственным бытом. Здесь мы видим «акань» (куклы), незатейливую домашнюю утварь и

посуду: ступу и пест, которые служат для толчения «порсы» (муки, сделанной из сушеной мелкой рыбешки); деревянную колотушку для расколачивания оленьих сухожилий при изготовлении из них ниток; берестяные кузовки, служащие детям одновременно в качестве игрушек и сосудов для сбора ягод и хранения рыбьего жира.

Игрушки подготавливают девочку к роли хозяйки, «жены-плечедержательницы чума». На севере существует мнение, что девочка, умеющая хорошо лепить и шить игрушки, вырастет хорошей хозяйкой. Поэтому при сватовстве судят о невесте по ее детским и юношеским работам, в том числе и по игрушкам. Хантэйка, выходя замуж, хранит свои куклы в сундуке наравне с божками.

Иногда игрушки изображают предметы, уже давно отжившие в быту взрослых. Так, например, у хантэйских детей, живущих по Салыму, — отмечает этнограф Р. Л. Шульц, — в качестве игрушки употребляется сверло с насаженным на него кругом, употреблявшееся когда-то для добывания огня трением. Игрушечные луки с деревянными стрелами, широко распространенные среди хантэйских, мансийских и ненецких детей, представляют собою старинное вооружение взрослых охотников.

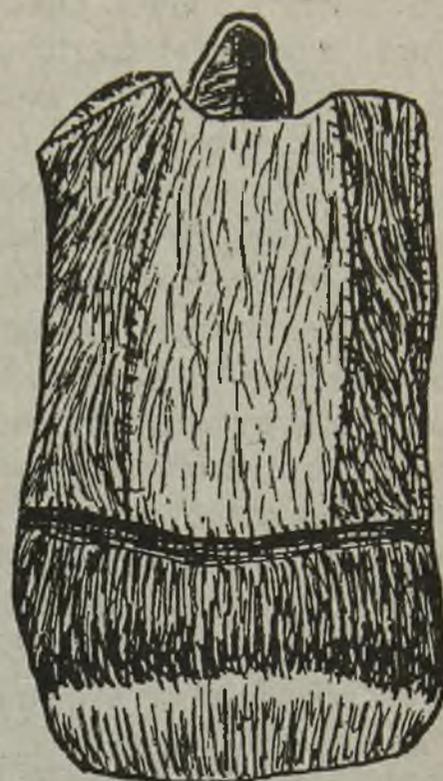
Особенно много архаизма в детских куклах. Некоторые куклы напоминают домашних шайтанов (божков) хантэ, манси и пян-хасово. У хантэйских тряпичных кукол часто встречаются лица с утиными клювами, чтобы куклы не напоминали священных изображений божков. Куклы с человеческими лицами появились только после Октябрьской революции.

У мансийских детей, живущих на Юконде и Конде, еще встречаются куклы-амулеты под названием «шайтан» и «шаман».

Для детей грудного возраста и ползунков родители или старшие братья и сестры делают примитивные игрушки, в первую очередь различные погремушки: из бересты и речных камешков; из кости животного (оленя, лося; из горла тетерева с вложенными туда дробинками. Концы горла соединяются и искусно сшиваются оленьими нитками; получается баранка. Погремушку делают также из высушенного птичьего пузыря, в который положено несколько камешков. К игрушкам относятся бусы из рыбьих позвонков, нанизанные на нитку, и выточенные из дерева цепи.

Вторая группа примитивных игрушек создается самими детьми. Нам пришлось видеть двух игрушечных коров, сделанных детьми хантэ. В первом случае это был маленький пенек сосны с четырьмя корешками, изображающими ноги. Во втором случае корова была представлена куском дерева с пятью сучками, из которых четыре изображали ноги, а пятый — короткий хвост.

Дети постарше делают более сложные игрушки, которые можно назвать художественными. Они отличаются поразительным реализмом выполнения отдельных деталей и всего изображаемого предмета. Чувствуется стремление ребенка сделать игрушку похожей на изображаемый



Куклы — «акань»

сю предмет. Таковы кукольные люльки и нарты казымских, салымских и ваховских хантэ — точные воспроизведения настоящих. Девочки шьют кукольную одежду, точно копируя одежду взрослых.

Северная игрушка тесно связана с орнаментальным искусством пянхасово, хантэ и манси. Орнаментика северных народов имеет большое влияние на детскую фантазию и своеобразно отражается в их игрушке.

Из сказанного видно, какое большое место занимает игрушка в быту детей Севера. К сожалению, сюда почти не завозят фабричных игрушек, а если изредка и доставляют, то делают это без всякого учета интересов местных детей. Вместо северных зверей везут игрушечных слонов, попугаев, ярких цветных бабочек.

Из всех игрушек, просмотренных нами в магазинах села Березово и поселка Остяко-Вогульск, только один медведь относился к северной фауне, но и тот покупался не ребятами, а религиозно настроенными националами вместо божка. Остальные игрушки печально стояли на полках, покрытые толстым слоем пыли, не интересуя детей, ценящих в игрушке близость к окружающей природе и среде.

Летом 1938 года в магазинах Казымской культбазы мы нашли всего-навсего два вида игрушек: большую железную бабочку с яркими крыльями, на колесах, и кустарную вятскую игрушку — клюющих зерно курочек.

Мы предложили шестилетнему хантэйскому мальчику выбрать себе игрушку. Он отнесся к ним критически. «Розовых птиц мне не надо, — сказал он (действительно, на курочках было неправдоподобно много розовых красок), — а эту игрушку (бабочку) я возьму: она немного похожа на телегу с колесами». Мы пробовали ему объяснить, что это бабочка, но никогда не выдавший бабочек северный мальчик не понял нас и скоро забросил игрушку, предпочитая нескладной, по его мнению, «тележке» самодельный пароходик из спичек.

Пушистая игрушечная лайка, олень, запряженный в нарты, горностаи, тетерева, лодки, ружья и другие хорошо известные предметы имели бы большой успех у северных детей. Торгующие организации и производственники должны учесть эти запросы и не оставлять значительной группы детей без игрушек. Руководителям промкооперации не мешало бы также подумать о создании в одном из северных районов специальной артели по выработке игрушек.

(Игрушка. — № 1. — М., 1939).



## Дети Сургута – фронту

Трудовой подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, как правило, связывается с героизмом и самоотверженностью стариков, женщин, молодежи, ковавших победу в тылу. Об этом свидетельствуют многочисленные научные статьи, монографии, художественная литература. К сожалению, не нашла достойного отражения и специальных исследований помощь фронту детей, школьников, начиная с самых младших классов.

В свое время мне довелось изучать эту тему на материалах северных округов Тюменской области. Были мои публикации и отдельно по нашему округу («Ленинская правда», 29 апреля, 6, 9, 16, 18 мая 1972 г.). Немало фактов о работе школьников города-юбиляра Сургута и района приводилось в написанной мною совместно с И. Захаровым брошюре «Сургут в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг» (Ханты-Мансийск, 1975). Сегодня самое время более подробно рассказать об этой страничке в четырехвековой истории города.

Главной продукцией, которая шла из района фронту, была рыба. И здесь наиболее существенной была помощь школьников, ведь почти каждый из них рыбак с раннего детства. Уже в первую военную путину учащиеся Сытоминской школы создали звено по ловле рыбы переметами. Саша Нюгломкин из Сургута и его тезка Кинямин из д. Юган поймали сетями более полутора центнеров рыбы.

Во время второй военной путины в Ханты-Мансийске состоялся слет пионеров и школьников. В его обращении отмечалось, что учащиеся Сургутского района организовали бригады и ежедневно повят рыбу удочками, переметами, небольшими неводами. Слет призвал всех школьников округа последовать их примеру.

Перед началом третьей военной путины юные сургутские рыбаки наравне со взрослыми участвовали в окружном декаднике-смотре готовности к промыслу. Летом они добыли 1000 центнеров рыбы. Четверть улова на счету ребят из Зарямской школы. Двенадцатилетний Платон Тайбин из Пимской школы и десятилетний Валя Коновалов из Высокого Мыса поймали по 20-25 центнеров.

Летом 1944 года прибавились новые заботы. За время войны многие орудия лова износились. Школьники собирали у населения сети, морды-вершы и другие ловушки, рогожные кули, делали рыболовные крючки, вили веревки. Учащиеся Пимской школы находились на промысле четыре месяца. Только звено Платона Тайбина выловило около 70 центнеров. 100 центнеров добыло в счет плана рыбозавода звено сургутских школьников под руководством Надежды Бакай.

Многие дети в свободное от учебы время работали на заготовке кормов. Первым военным летом сургутские школьники заложили 65 тонн силоса и заготовили 150 тонн веточного корма. Отличились ребята из Покурского сель-

совета, деревень Пасол, Вата, звеньевые Федя Каюков, Ваня Черкашин, Володя Мартынов.

Многие вышли на колхозные поля. 24 четвероклассника Сургутской школы работали по уходу за посевами ежедневно. Пионеры районного лагеря пропололи и окучили все посадки колхозного картофеля. 25 школьников деревни Кушниково обработали 17,5 гектара. Среди лучших Клава и Маруся Трифоновы, Рая Тырикова, Катя Замятина, Толя Черкашин. За два дня пропололи полгектара посадок Тося Аралова, Нюра Кугаевская, Настя и Володя Карташевы.

Другие ребята начали ухаживать за колхозным скотом, готовили корм и удобрения. Школьники деревни Подгорное взяли шефство над колхозными лошадьми, заготовили для посадки центнер картофельных верхушек, собирали печную золу. Дети из Зарямской школы за пять дней наскоблили 850 килограммов таловой коры. Ученик четвертого класса Паша Измоденов заготавливал до 20 килограммов коры в день. Работали дети на вывозке навоза и ремонте сельхозинвентаря.

К весне школьники Черного Мыса собрали для колхоза «Верный путь» пять тонн золы, провели снегозадержание на полях, ежедневно скоблили тал. Семиклассники Сургута по инициативе Тони Красильниковой собрали 52 центнера золы и каждый школьник заготовил по килограмму картофельных верхушек.

Была у школьников и масса других дел. Они заготавливали для нужд фронта и тыла грибы, ягоды, кедровые орехи, лекарственные растения. В условиях войны на счету были каждый гвоздь, доска, кирпич, килограмм металла. Дети постоянно собирали металлолом, утильсырьё, разбирали на

стройматериалы старые заборы, выдергивали гвозди.

Свой посильный вклад вносили школьники и в фонд обороны, подписывались на лотерейные билеты оборонного общества и облигации. На военный заем первой в районе подписалась пятнадцатилетняя школьница из д.Белый Яр Шура Кондакова, дочь погибшего фронтовика. Выступая на митинге, посвященном выпуску займа, она сказала: «Пусть на деньги всех трудящихся построят боевые машины, которые нанесут сокрушительный удар фашистским зверям.»

В 1943 году учащиеся района собрали на военную технику 20759 рублей. Пионеры Нижне-Покурской школы внесли на строительство танка «Пионер Севера» 698 рублей.

Дети постоянно участвовали в подготовке и отправке посылок в Действующую Армию. Они собирали одежду, табак, мыло, бумагу, карандаши, вязали рукавицы и носки, вышивали кисеты и платки, писали теплые письма бойцам.

В войну широко развернулось тимуровское движение. В июле 1941 года, как только отошли от причалов первые пароходы с мобилизованными в армию, тимуровцы начали шефство над их семьями — помогали готовить дрова, корм для скота, возили воду, ухаживали за малышами.

За сухими строчками архивных документов, газетными и радиоинформациями, воспоминаниями очевидцев встает своеобразный, по-своему фанатичный и идейно обоснованный, искренний душевный порыв самых маленьких советских людей, бескорыстный труд на благо Родины детей, плохо одетых, полуголодных, да еще в суровых северных условиях.

**Н.Патрикеев**

# Березово — нуи земли

**А.К. Шмелев:** С Юрием Николаевичем Грачевым состоялся такой разговор: «Что у тебя с биографией?» А с биографией у меня все было очень плохо: отец — ссыльный, раскулаченный, жена — немка, на спецучете... — «Там все написано.» — «Нет, не то. Родственники в Америке есть?» По тем временам это было преступление. «Слушай, ты только скажи, кто тот гад...» — «Ладно, все ясно. Возьмешь Тобольскую партию.» — «Нет, дай оператором поработать. Для дела надо.» — «Да кто же из начальников партии возьмет оператором инженера?» — «Барабанова уговорю.»

С Барабановым мы незадолго перед тем познакомились. Он вместе со своей партией был переведен из Молдавии. Войну прошел танкистом, был тяжело контужен. Может, потому, что мы и по возрасту близки были, и воевали оба, а больше из-за характера Михаила Павловича — очень спокойный, доброжелательный — мы сразу сошлись. Я рассказал ему, что хочу сделать речную сейсморазведку, с расположением сейсмоприемников на воде, на цепочке бревен. Такой бон мы еще в Ханты-Мансийске заказывали делать. На лето пятьдесят третьего года у меня был готов бон бревенчатый, стоимостью в восемьсот рублей тогдашних денег. (Комиссия, разбиравшая мои «диверсии», говорила: «Угробил восемьсот рублей казенных денег, заказал бон, годный лишь на дрова!»). Но мне еще аппаратурно надо было решить, как избавиться от помех, вызываемых течением. Поэтому и надо было поработать оператором. Барабанов мне сказал: «Ну а я тогда буду болотную сейсморазведку придумывать, чтобы с быстрой размоткой.» Потом мы все мечтали, как поедем на север со своими изобретениями работать.

Зимний сезон 53 года я отработывал вместе с Барабановым на юге области, а весной подал рацпредложение о речном боне. Чтобы уйти от влияния речных волн и течения, я предложил поставить на один канал несколько приборов, и поставить не в одном месте, а разнести по бону. В каждой точке помеха пишет по своему, а отраженную волну, которая приходит из глубин земли на все приборы практически одновременно, они пишут синфазно. Помехи, раз много приборов на одном канале, подавляются друг другом, а полезный сигнал суммируется! Рацпредложение послали в Главнефтегеофизику. Федынский меня вызвал и направил в Баку, с тем, чтобы я познакомился с морскими геофизическими работами, с пьезокосой, которую там испытывала бригада из ВНИИгеофизики. Ознакомился — нет, ничего для себя взять не можем. Возвращаюсь к Федынскому, докладываю, что опытом воспользоваться нельзя. Он говорит: «Сейчас возвращайся, создавай инициативную группу, все готовьте — аппаратуру, оборудование, а с весны начинайте опытные работы.»

В Тюмень лечу, как на крыльях! В тресте на лестнице встречаю Грачева. «Ну, как?» — «Замечательно! Сейчас все готовить, создавать инициативную группу, с весны начинать опытные работы.» — «Ну, пойдем в кабинет.» А там говорит: все, что предлагает Федынский, очень хорошо, но сейчас надо ехать в Березово. «Зачем в Березово? Мне здесь надо все готовить!» — «Успеешь приготовить. А там сейчас каждый человек дорог. Туда переехала Обская геофизическая экспедиция ликвидированного Главсевморпути. А это такая организация — спешит, не привыкла. Как второй фронт: пока не пришьют последнюю пуговицу последнему солдату — с места не тронутся. Вот я и посылаю к Климентову с его компанией трех своих начальников сейсморайонных: Барабанова, Льва и тебя. Как только твоя партия начнет работу, я тебя отзову, и ты успеешь все приготовить. Джентельменский уговор!»

Шапку в руки, и мы с Михаилом Павловичем полетели в Березово.

К осени 54-го народу сюда понаехало — столпотворение вавилонское! Ведь сразу две экспедиции — наша и геологов, а одних только геофизиков пятьсот человек! Жить негде, балков, что еще в Ханты-Мансийске, в промартели заказывал, мизер. Ну, большая стройбригада, конечно, поставили пилораму. В первую очередь строили вагон-домики на санях для сейсморазведочных партий. Нужно было пятьдесят, успели тридцать. А что это были за сооружения! Снаружи доска и внутри доска, а между ними утеплитель — опилки. Поехал балок — посыпался утеплитель. Уж мы их и снаружи только обивали, и внутри — шкурами, одеялами, стегаными полотнищами...

Конечно, из Тюмени послали в Березово все трактора и шнековые буровые станки, какие только можно было собрать. Помог Главк: прислал из Баку с капитального ремонта двадцать семь тракторов. Но когда они пришли, оказалось, что все без кабин, на все одно магнето, и половину тракторов не смогли завести, чтобы согнать с баржи. Срочно построили мастерскую, электрос-

танцию — без них работать было нельзя. Только после этого, к весне уже, начали строить нормальные склады, контору и жилье.

Работать там можно только санными поездами с тракторами — дорог нет. Мы с Барабановым и Львом решили одну двухприборную партию (Барабанова) послать в брошенный поселок Ингисойм — там есть, где жить, балков им дать только для станции и обогрева, работать с возвращением на базу. Вторую партию, тоже двухприборную (мою) выбросить на пойму с балками, жить в них, двигаться с ними по профилю. В Березово у нас арендовано место только под камералку и контору. Третья партия, поменьше, одноприборная, Льва, живет в Березово, ежедневно возвращается, балки ей дать только под сейсмостанцию.

Рабочие — половина без паспортов, беглые какие-то. Освобождения пошли, из лагерей повыпускали уголовников (политзаключенных у нас не было — может, разъехались, им-то было к кому возвращаться, может, позднее их выпускать стали). Часть рабочих пришла к нам из Саранпауля. Там была экспедиция по поиску пьезокварцев. Вербовали людей из Тюмени, и весной, едва сойдет лед, отправляли спецрейсом до Саранпауля. Народ все был не простой. Где приставали, выставлялся наряд милиции, старались никого с парохода не выпускать. В Саранпауле их уводили в горы до осени. Осенью они получали расчет, а вместо пароходного билета — деньги по его стоимости: никакие пароходы уже не ходят, река обмелела. Ну и кто как, кто на чел спускались по Ляпин, по Северной Сосьве до Березово и оседали тут. Работали нормально. В кадрах записывают мне такого удальца и объясняют: «Долго не проработает, он магазин по соседству ограбил, ведется следствие, его осудят. Но пока — куда его? Пускай поработает.» И верно, работал. Но успел разок вылезти с финкой из-под моста и у одного мужика проходящего снял фуфайку и шапку. А мужик — тоже из нашей партии, только из другого отряда. Естественно, он его потом узнал и вещи свои отобрал. Потом пришла проситься работать с этим бандюгой Васькой «жена». На смотке у нас по-прежнему женщины стояли, но уже были набраны. Васька — молодой парень, красивый, здоровый, а эта — старая, истасканная... Спрашиваю Ваську: «Правда, что жена?» — «А, портянки стирает, и ладно!» Не взял я ее. Так она дождалась, когда Грачев приехал и пошла ему жаловаться, что вот Шмелев семью разбивает, не берет ее вместе с мужем работать. «А как фамилия мужа?» — «Не знаю... А зачем мне его фамилия?!»

Таких «семей», как Васькина, тут хватало. Успели заселить балки, которые были приготовлены для работы, так что пришлось тащить их вместе с жителями, которых мы зачисляли в партии. С матом бороться, как в Ханты-Мансийске, уже не приходилось. Хуже. У костра перед отъездом бандюга один мне говорит: «Зачем вы уезжаете? Вы к нам привыкли, за людей считаете, мы тоже привыкли.» — «У меня там семья, работа интересная.» — «Нет, вы лучше не уезжайте. А то мы можем и «колун прислать». (По-блатному, это сообщение по их линии, что человек провинился, и его надо кончать.) — «Что я, закон, что ли, у вас принял, чтобы за мной «колун присылать»? Да начхать мне! Чтобы я вашему закону подчинялся..!» — «Ладно-ладно, пошутили...»

Я снимал половину домика у старика со старухой, высланных из Молдавии. Оба уже на пенсии, но им не разрешали возвращаться. Евреи по национальности, интеллигентные люди, они очень переживали, что не нужны здесь, так хоть бы умереть на родине. Жили тем, что сажали картошку (лучшей я нигде не видел) и продавали ее, сдавали домик в аренду. У меня там были две крохотные комнатки. В одной сидел я с бухгалтером — это была контора. В другой как раз поместились кровать и тумбочка. В доме напротив жила вся электроразведочная партия: Юра Копелев и только что кончившие Губкинский институт Владимир Бованенко, Вася Ковальчук, гравик Юра Мартынов. У них было настолько тесно, что Юрка Мартынов перебрался ко мне, и мы спали на одной кровати. Жили геофизики весело, так что если где какая вечеринка, я получал записочку: «Приглашаем Вас с женой и ее сестрами!» — это девчонки так ребят звали. Но собирались нечасто, работать много приходилось.

У меня в партии тоже все молодежь, только после института. Поэтому, чтобы им не работать по одному, интерпретаторов я не посадил в камералку, а послал в отряды: рядом с оператором легче разобраться, если что. В Березово оставались только старший интерпретатор Виктор Гершаник и вычислители. Правда, потом одного молодого специалиста пришлось все же в камералку перевести. Семен Альтер — парень просто артист, без публики, без девчат — никак не мог, и вот наладился каждый вечер возвращаться в Березово. А это километров пять, возить нечем, поморозился раз... Посмотрел я на него: «Черт с тобой!» У них тут своя компания, зазнобы...

Начальник экспедиции Климентов, переданный нам из Главсевморпути, был буровик, с геофизикой незнакомый. Главный инженер понятие о ней имел, но смутное. Был там еще такой — чудо! — «поручик войска польского» Лукаш, прораб бурно-взрывных работ — болтун несусветный! Однажды на совещании (важное было совещание, окончательно решалось, что и как, приехали Грачев и два представителя из Главка) Лукаш выступает и говорит: «Мы совершенно не учитываем сейсмографический разрез и влияние камуфлета. С помощью камуфлета мы разрушили все доты у немцев, а вы — совершенно не учитываете его влияния!» А все хохотуны были такие, вроде

Гершаника, обхохотали «камуфлет» не знаю как! Я на том совещании тоже выступил с вопросом: «Как будем оплачивать труд рабочих? Если по котловой сдельщине, то мне рабочих больше не надо, хватит полушубков, валенок, продуктов, есть, где расселить. Если по индивидуальной сдельщине, нужно удвоить количество рабочих и, соответственно, балков, спецодежды, продуктов.» Индивидуальной сдельщины во что бы то ни стало требовала Главнефтегеофизика. Причем, план выполняется на сто процентов — всем сто процентов оклада, план — на сто десять, оклад — на сто десять независимо от того, сколько человек в отряде. Короче говоря, дикость несусветная! Грачев говорит: «Понятно. Учитывая особое положение Березова, попросим Главнефтегеофизику в порядке исключения разрешить групповую сдельщину». Тут вскакивает представитель Главка и возмущенно: «Главнефтегеофизика никогда на это не пойдет! Никогда не разрешит!» Грачев: «Ах, не пойдет? Не разрешит? Ну, тогда мы и спрашивать не будем!»

В новогоднюю ночь мы вспомнили то совещание, Лукаша, опять развеселились, пошли на почту и дали телеграмму начальнику экспедиции: «Грузите сейсмографический разрез бочками. Не забудьте камуфлет. Братья Карамазовы.» Потом я увидел эту телеграмму на столе у Климентова. Он был очень озадачен, наложил на углу телеграммы резолюцию: «Главному инженеру для сведения.» Эту резолюцию увидел Гершаник — зашелся смехом. Тогда Климентов уголок с резолюцией оторвал. Тут уже вся экспедиция лежала...

Грачев перед отъездом снова пообещал, что отзовет меня, но идет январь уже... Даю ему радиограмму: «Юрий Николаевич, как же джентельменское соглашение?» Он мне в ответ: «Джентельменское соглашение выполняется.» А где же выполняется, когда январь проходит, а меня все не отпускают? Но, правда, работа идет тяжело. Зима выдалась мягкая, болота, протоки не промерзают как следует...

Был случай. Дошли до протоки Вайсва. На берегу буровая, дорога к ней напрямиком через Вайсву. Лед — сантиметров двадцать пять, а чтобы трактора пустить, надо минимум сорок. Стоим думаем, как намораживать — либо лес откуда-то тащить, либо валки снежные делать (иначе вода растекаться будет), насосы какие-то надо... Вдруг с той стороны, от буровой, грохочет трактор С-80 с балком на прицеле и по дороге через Вайсву, напрямую — только лед трещит! Мы его встречать: «Вот герой! Мы тут думаем, а он — герой!» — «Конечно, герой! А чего — герой-то?» — «Так Вайсву переехал!» — «Где?» — «Так вот!» — «Я?!» — в подпитии мужик. «Ну, поехали обратно.» — «Вайсву обратно? Не-е-е, не поеду...» Ну, мы сутки подождали, чтобы все трещины позамерзли, за это время тракторами подтащили к берегу все балки, а потом ГАЗ-63 перетаскал их через протоку. А там и трактора перегнали по одному.

Рисковать приходилось на каждом шагу. Иначе встает работа. Тут уж своя техника безопасности. Я старался пройти первый, сам убедиться, что риск оправдан. Так вот с другим отрядом надо было проезжать устье Северной Сосьвы — больше километра ширины. Где наморозишь? А тоже лед двадцать пять сантиметров. Сзади шел один из бакинских тракторов, в нем слесарь-ремонтник (эти трактора у нас из ремонта практически не выходили). Спрашиваю: «Как идет?» — «Нормально». — «Ну, поехали!» Сел к нему, кабины нету, в случае чего соскочить можно, и — напрямую! На середину выехали — чих-чих и заглох: солярка кончилась. Пока мы за соляркой, пока что, а на Сосьве ветер — промерз трактор. И все: магнето нет, завести нечем. Так он и остался посреди Сосьвы. За сутки лед под ним прогнулся, водичка выступила. Отряд перебазировался, обходя это место, а потом зацепили трактор буксиром и тоже оттащили.

Наконец, начали работать, материал получать — меня все не отзывают. Тогда я пишу жалобу Федынскому на этого Грачева. Так, мол, и так, дорогой Всеволод Владимирович, вы разрешили опытные работы по речной методике сейсморазведки, а меня Грачев послал сюда для организации партии, пообещал, что отзовет, я партию организовал, начала работать, а он никак не отзывает!

Жалоба попала не к Федынскому, а к его заму Дедуре и ужасно его возмутила; вот, мол, такой — сякой, не желает работать! И он пишет ответ сразу в три адреса: Грачеву, Климентову и мне: «Разрешить опытные работы только в том случае, если завершит сезон достойно!» Я этого письма получить не успел, Климентов — тоже. Прилетает Леша Черепанов: «Я вам на смену.» — «Начальником партии?» — «Нет, оператором.» Собрал я всех своих операторов: «Кто в начальники пойдет?» Согласился Евгений Титыч Исаенко. Он из Главсевморпути к нам попал, но он да еще Тамара Григорьевна Борисова (инженер-интерпретатор) оказались по-настоящему хорошими работниками, только они из этой организации с нами остались.

Прилетаю в Тюмень. Грачев мне — письмо Дедурь: «Ну, что, выполняется джентельменское соглашение?» — «Да долго очень!» — «Да ты спасибо скажи, что я раньше Климентова это письмо получил! А то бы он тебя несмотря ни на какие мои визги до самого лета не выпустил!»

**В.А. Гершаник:** Исаенко недолго проработал начальником партии, заболел, и снова пришлось мне из интерпретаторов (к чему я был гораздо лучше приспособлен) идти в начальники партии.

Трудный был год. Эти бакинские трактора — по-моему, вовсе неотремонтированные (их надо

было успеть достать, переправить к нам, видно, до ремонта дело не дошло) — постоянно выходили из строя. Техники — бензопил, и электропил — у нас не было, мы работали, не готовя себе заблаговременно дороги и просеки, методом «давить»: пускаем трактор задом наперед и — «давить». Не каждое дерево сразу падает, приходится снова и снова наезжать на него, ясно, что летели фары, деформировались кабины. «Давить» — значит, остаются тычки. К весне пришлось снова пройти по этим дорогам, привести в порядок в соответствии с требованиями правил санитарной рубки.

Один из профилей мы протянули на восток, и он обнаружил еще один перегиб. За этот перегиб схватились, на него «села» партия Льва, до этого пытавшаяся вести работы по выработке методики преломленных волн, но получалось не совсем то, чего хотели и ожидали, и им эти работы отменили. А мы продолжили работы на старой площади.

**К.Ф. Копелева:** От Гершаника я сбежала еще в Тюмени. Все было сделано у нас, заняться нечем, скучно. И тут меня позвала Нора Кузик, в ее партии было очень много работы, я пошла помогать. Я всех уговаривала ехать в Березово, и Нору сагитировала. Хотя она недавно вышла замуж за нашего начальника — Юрия Николаевича Грачева, на новый сезон мы поехали с ней вместе. Но в Березово нас разлучили: Нора осталась интерпретатором в партии Льва, а я отправилась в Ингисойм, в партию Барабанова.

Здесь подобрались очень интересные люди. Я поселилась вместе с Тамарой Григорьевной Борисовой. Она недавно окончила Московский геологоразведочный институт, после него работала в Лабитнангах, в Обской экспедиции Главсевморпути. Были здесь еще супруги Кавалеровы. Начальник Барабанов жил вместе с женой. Она не работала, сидела с маленькой дочкой. Нам это казалось очень странным. Старшим интерпретатором к нам приехал Георгий Андреевич Малышев. Был он похож на Паганеля из фильма «Дети капитана Гранта» или на героев Достоевского. Неухоженный, очень плохо одетый, в широком плаще и шляпе, на морозе он выглядел более чем странно, но уверял, что так ему — в самый раз. Мы удивились: «Георгий Андреевич, неужели у вас уши не мерзнут?» — «Я выхожу — они мерзнут, я их потру-потру — вроде бы ничего.» (Но через несколько лет он заболел туберкулезом — возможно, с этой зимы все и началось). Жена Георгия Андреевича осталась в Тюмени рожать, и он очень страдал от разлуки с ней, жил в постоянной тоске. Мы находили вполне естественным, что работа ему в голову не шла. Единственная работа, которую выполнял с удовольствием — топить печи. С этим он отлично справлялся, был у нас главным истопником. Еще ему нравилось маркировать ленты — видимо, такая работа не мешала ему думать о Юле.

**И.П. Шмелева:** До Березово Малышевы год работали с нами на юге области в партии Барабанова. Георгий Андреевич и там производил впечатление поразительного неумехи и не то что лентяя, а полного бездельника — увидеть его за работой было практически невозможно. При том он был начитанным человеком, очень остроумным, громогласным — душой компании. Если бы к его способностям добавить чуточку трудолюбия! Когда выполненная им работа оказывалась блестящей, многие считали, что это за счет Юли. Она только смеялась: «Просто никто его не знает!» Сама Юля была очень скромной, но, пожалуй, самым толковым интерпретатором, с каким мне приходилось работать. Возможно, действительно, только она и могла организовать и направить способности своего мужа в нужное русло.

**К.Ф. Копелева:** Когда рабочий день кончался, Георгий Андреевич, не желая оставаться один, требовал чаепития. Мы с Тамарой устраивали «спекулятивные» чаи. Это был целый прием. Из вареной сгущенки и хлеба мы стряпали «торты», из брусничного сока и спирта делали слегка алкогольные напитки, чай, конечно, был обязательно. После него играли в карточную игру «спекулянт». И пели. И даже танцевали. Интересно, что вопреки обычно принятому образу геолога, наши мужчины никогда не держали в руках гитары. Пели без музыки. Предпочитали классику.

Все-таки Малышев уехал. Больше всех его отъезду сопротивлялась Тамара: при всей своей смелости она ни за что не хотела оставаться старшим интерпретатором, боялась до слез. Хотя при Малышеве выполняла, по-моему, всю его работу. Без Георгия Андреевича наша партия осиротела, заглохли «спекулятивные» чаи. И мы стали уговаривать Михаила Павловича отправить камералку в Березово, и даже смогли доказать ему целесообразность такого переезда.

В Березово жизнь кипела! Начались свадьбы. нас встретила Валя Машкина — одна из главных геофизических красавиц — и сразу объявила, что она «женится» на Альтере, а в Копелеве ничего не нашла. Я очень обрадовалась, что она ничего не нашла в Копелеве (о котором я сама же имела глупость рассказывать Вале, какой это необыкновенный человек). Альтер был здесь первый парень, в него все были влюблены. Тоже певун, да еще и поэт, очень остроумный... Предложение Вале, как и все, что он делал, было неожиданным и необыкновенным. Без всяких предварительных переговоров и ухаживаний однажды в столовой он потребовал шампанского и заявил, что женится на Машкиной. Народу там было много, все поздравляли его и Валю — она была счастлива. Но всерьез на эту тему они так и не поговорили. И вдруг новость: Альтер зарегистрировался в сельсовете с Надей — девушкой, которая в его отсутствие вместе

с подругами оккупировала его квартиру. Они сначала все враждовали, а тут, встретившись у сельсовета, Альтер предложил решить проблему, поженившись, и Надя, смеясь, согласилась, пошла с ним в сельсовет. И вот — свадьба. Гуляли все геофизики, а мы не пошли, выражая солидарность с Валей Машкиной. На второй день все-таки пошли посмотреть на Альтера. Он был очень грустный и пел печальные песни... И у него, и у Вали вся жизнь потом сложилась несчастливо. А могло все быть по-другому: они так подходили друг другу!

**Ю.С. Копелев:** Электроразведка работала уже на площадной съемке — Березовская структура, Деминская структура, Алясовская... Но это был последний год, когда мы работали методом вертикальных электроразведок: стало ясно, что конкурировать с сейсморазведкой мы не можем. Потому что стоимость примерно одинакова, результаты — тоже, а точность, детальность сейсморазведки значительно выше. В других районах ВЭЗы и сейчас дают очень хорошие результаты, но для условий Западной Сибири — не подходят. Такой вот отрицательный результат «повезло» мне получить в Березово...

**Ю.К. Агафонов:** Я был направлен в Тюмень по распределению Томского университета. Приехал летом 54-го года. Здесь тогда все разговоры были про Березово, но меня оставили на юге, в опытной партии, где испытывался гравиметр-высотометр. Руководила этими работами Елена Федоровна Козлова — представитель ВНИИгеофизики. После испытаний на юге она решила попробовать новый прибор в условиях севера и улетела в Березово. Я остался работать в тематической партии Уманцева. Потом она меня вызвала.

О Березово я к тому времени уже слышал, познакомился с молодыми специалистами, которые по распределению столичных институтов направлялись прямо туда. Мне из них запомнился Вадим Бованенко — очень высокого роста, бросался в глаза своей внешностью, со своеобразной манерой говорить, очень коммуникабельный — сразу к себе располагал, по-своему со всеми разговаривал о том, что он будет работать на севере, в министерстве был решен вопрос — там какие-то льготы, северные, броня... Я и не рассчитывал в это Березово попасть. Да и в партии Уманцева работа была очень интересная. Хотя я «плавал», конечно... Но раз надо — поехал в Березово.

Здесь — сброд, ярмарка! Народу понаехало всякого-разного, полно «бичей»...

С высотометром я проработал еще полмесяца (по тем временам это был неплохой гравиметр, но широкого распространения так и не получил). И вдруг в здешней гравиметрической партии заболел оператор, и начальник партии Игорь Эдуардович Зоммер попросил Козлову: «Дай Агафонову поработать на время, потому что сезон кончается, а мне заменить оператора нечем». Она согласилась, передала меня Зоммеру. Я не сопротивлялся: хотелось попробовать свои силы на настоящей работе. И вот на следующий же день меня забросили в поселок, где базировался отряд Мартынова. Там ребята — рабочие, Юра Мартынов меня встретил. Они работали с гравиметром СН-3 очень громоздким, но самым лучшим тогда. А я с ним никогда не работал. Говорю: «Ты меня поучи.» — «Давай». Пока самолет ждал, мы с ним ходили, я понаблюдал — вроде, получается. Он улетел, я остался.

На следующий день утром идти в маршрут, а начало маршрута — километров пять от поселка, от избушки бакенщика. Я решил, чтобы не тратить утром времени, сразу вечером туда ехать. К бакенщику поехали на лошадях, а маршрут надо идти уже пешком — сами на лыжах, прибор на санях.

Переночевали. Утром часов в пять или шесть рабочие (человек пять было рабочих) запряглись в нарты олени — как бурлаки, на этих нартах стоит гравиметр с аккумуляторами, и потащили по просекам. Этот маршрут оказался самым тяжелым из всех, какие я когда-нибудь проходил. Потому что просеки рубились зимой (как раз двое рабочих, что гравиметр тащили, перед тем рубили эти просеки), пни оставили высокие, и вот мы тащились по этим пням. Да еще у нас нарты были тяжелые — новые, сырые, поставленные на широкие лыжи и подбитые камусом. Вроде бы должно быть лучше — на широких лыжах, но это все еще утяжеляло, они широкой лыжиной запахивались в снег... Потом я встретил другого оператора, который здесь работал, Якова Чусовитина, посмотрел, у него — обыкновенные, да еще легкие, просушенные. Я и увидел, что у него-то лучше! Вот что значит опыт!

**Я.Г. Чусовитин:** Ну, мы, из сельской местности, практически к этому делу. Случилась такая нужда, я чего? Поехал к хантам, заказал, какие надо (уж они-то знают!), заплатил деньги и горя не знал: нарты легкие, нормально работали. Что на себе тащили, так когда на собаках, больше их тащишь. Он провалился в снег и не может вылезти-то, ног ему не хватает. Подойдешь, выгатишь до твердого наста — дальше он потащил. А тут человек шесть на лыжах гуськом бегут — как собаки, все равно.

**А.П. Гришанов:** Я брал лыжи от ПО-2, их соединяешь — они любой груз выдержит. На юге мы с лошадьми работали, но тоже впереди идешь на лыжах, сзади лошадь идет пустая, ну, там небольшой выжок или что, а по тому следу уже гравиметр тащит еще одна лошадь, она уже легко идет. Самое главное — снег притоптать.

(Продолжение следует)

## Н. А. Полевой

[...] Ты не забыта мною, моя далекая родина Сибирь, богатая золотом, дремучими лесами, морозами и дивными явлениями природы! Как первые мечты юности, как любимые игры детства, я помню твои вековые кедры, твои безмолвные пустыни, переломленные веками утесы в ущелиях гор и твою безмерную, голубую, как глаза сибирской девы, светлую, как глыба льду, Ангару, на берегах которой беспечно, весело и быстро пролетели дни детства моего, Сибирь! как далека ты и как близка к душе моей! Все, что впечатлевалось некогда в юную память мою, все помню я, даже гул ветра по сосновым лесам, когда, переходя с мшистых тундр, в твоих дебрях гуляет он, мощный сын Ледовитого моря, и разносит туманы, и природы, и страстей, которые облегают здесь, на Руси, небосклон и тускнят в глазах моих и великолепные здания, и бархатные луга, и цветущие поля, согреваемые солнцем, распещряемые радугами цветов и пожираемые завистливым человеком. Смотри ли на здешние обнаженные поля, забыть мне твои необозримые, нетронутые степи, Сибирь золотое дно!

В тебе живет немного людей — не завидуй многолюдству здешнему: здесь и пороков более, чем в твоих малолюдных городах! Благодарю Провидение, что в тебе есть где поместиться и исчезнуть тлетворным преступлениям, которые звуком цепей означают путь свой из здешней стороны и теряются в неизмеримости пустынь твоих, как ручей в волнах Ангары, как следы легкого оленя по глубокому снегу Якутской стороны! [...]

(Из рассказа «Сохатый»)



---

**Полевой Николай Алексеевич (1796-1846)** — писатель, журналист, литературный критик, историк. В 1825-34г. издавал «Московский телеграф», журнал «литературы, критики и художеств». Полевой первый создал тип русского энциклопедического журнала: по этому образцу позднее были созданы «библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Современник». Родился в Иркутске, где отец служил управляющим Российско-американской компании.

## С ВОЙНЫ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ...

(Стихи разных лет)

## В блиндаже

В блиндаже по бревенчатым стенам уродливо мечутся тени.  
 Сжатый сплюсненной гильзой, пугливо дрожит огонек.  
 В полутьме разложил я конверты на сдвинутых тесно коленях—  
 Письма тем, кто уж к нам не вернется, не ступит за этот порог.  
 ...На рассвете атака. Придирчиво чистили мы автоматы,  
 Адреса оставляли друзьям: если что—пусть не ждут.  
 Никому не известна тяжелая доля солдата.  
 Может, многие большие согреться в блиндаж не придут.  
 И такой тишиной письма их опоздавшие веют,  
 Даже страшно назад безответными их возвращать.  
 И, врагов убивавшие, руки не в силах, не смеют  
 Беспощадное «выбыл» на этих конвертах писать.

1945

## Бикфордов шнур

Меня когда-то, как и всех, зажгли  
 И в сторону неслышно отошли.  
 Я двигаю руками и ногами,  
 Я чувствую: возникло где-то пламя.  
 Горю, и дым уносит в поле ветром.  
 За сантиметром тлеют сантиметры...  
 Мне тридцать лет.  
 Прикидываю — треть!  
 Неужто те — две трети — тоже тлеть?  
 Ведь если все приходит по порядку,  
 Должна же быть когда-нибудь взрывчатка!  
 А если — нет?  
 А если — позабыли?  
 А если...ничего не положили?

1958

\* \* \*

С войны не возвращаются. Не лги,  
 Что будто бы с нее вернуться можно.  
 Она лишь затаится осторожно,  
 Когда, вернувшись, скинешь сапоги.  
 Она как в рукаве пустом рука:  
 Ее уж нет, а все болит к несчастью.  
 Она — слепой осколок твой, что, к счастью,  
 До сердца путь не отыскал пока.  
 Подписывают мир не для солдат.  
 Одним лишь павшим он сигнал отбоя.  
 А тот трубач, что в бой нас вел с тобою,  
 Он все трубит — и нет пути назад.

1965

Алексей Смольников как человек и поэт определился на фронте, куда ушел сразу после окончания 10-го класса школы № 1 Ханты-Мансийска. Его первые стихи печатались в армейских газетах. Автор многих книг, в их числе «Время не выбирают», «Размышление», «Годовые кольца», «Воспоминание на марше» и другие. Живет в Москве.

Не только бесконечны — быстротечны  
Года, где так мгновенны ты и я.  
Соединить сегодняшнее с Вечным,  
Искусство, вот обязанность твоя.  
И дням торжеств, и бедствиям жестоким —  
Всему есть час в движенье бытия.  
Соединить минутное с Высоким,  
Искусство, вот обязанность твоя.  
Звезда да осветит тропу идущим,  
Ручей — да будет петь его струя.  
Соединить идущего с Грядущим,  
Искусство, вот обязанность твоя.

1973

### *Девятое мая*

Ощущение первое это:  
Все. Свершилось. Задохлась война!  
Вот уткнуться б щекою в планету,  
Будто мамина кофта она,  
И уснуть, словно рухнуть в могилу,  
На сто лет — в тишину, в забытье,  
Чтоб добрать, что недоспано было  
За все зимы и лега ее.  
И потом только, выспавшись вволю,  
Вдруг понять, не открыв еще глаз:  
Жизнь твоя — предисловье, не боле,  
К той, другой, что начнется сейчас.

1975

Я опять пролетаю над городом дальним твоим.  
Я солгал бы, сказав, что молю самолет опуститься:  
Можно сесть на такси, можно в доме твоём появиться,  
Но нельзя воротиться — иные созвездья над ним.  
Как высок самолет над уютной землей в этот час!  
Вижу речку еще, вижу — вроде бы лес зеленеет.  
А быть может, лишь помню: глаза разглядеть не умеют.  
Это сердце умеет — оно дальновиднее глаз.  
Все-то помнит оно — все года перед ним, как живые.  
Все-то может оно — поклонись и за то, человек.  
Одного лишь не может — каждый раз приходиться, как впервые.  
Но уже привыкает каждый раз уходить, как навек.

1982



## В гнездышке одиноком. . .

### Маленькая повесть

Много времени прошло. Анна замуж вышла. Ванька жену сосватал, дети растут. Да говорят люди, ленивый Ванька добытчик, семью впроголодь держит. И когда много русских на Казымскую землю пришло, нашел себе легкое дело, в проводники к ним устроился. Говорят, любят его за это. Дом ему в Казыме дали, муки и другой русской еды у него вдоволь.

### Глава 3

Черным туманом повисла беда над священной землей предков. Увезли мужчин. Осиротели женщины и дети. Песня-стон полетела по Казымской земле.

. . . Под корень, под корень  
 Вырублены сосны наши широкоплечие.  
 На высоте стволов их мощных  
 Свои гнездышки пуховые мы вили.  
 Кронами ветвистыми  
 От дождя, снега птенчиков укрывали мы. . .  
 Ах, горе, горе,  
 Попадали гнездышки наши уютные.  
 . . . . .

Крыльями нашими слабыми  
 Птенчиков мы укроем ли?  
 Клювами нашими слабыми  
 Пищу для них мы добудем ли?  
 Ах, горе, горе. . .

Из пустоты мужских половин жилищ ледяной иглой сверля женские головы, поднимался вопрос: «Как жить?»

«Как жить, как жить?» — крутился вопрос и над стоянкой двух чумов, оставленных далеко от родных мест. Пять ночевок до Вутвоша, четыре ночевки до Маланг вори, родового стойбища мужей. Горстка оленей. Незнакомая дорога.

Как жить? В глубине души Анна верила, что если не Юван, то Максюм вернется.

— Только шаманов совсем увозят. Не может же Палтап Ванька сказать, что все шаманят, — говорила она соседке Дарье, которая вместе с детьми перебралась в ее чум.

Наступал месяц метелей. Съестные припасы кончились. Осталось немного сушеной рыбы. Дарьины старшие мальчики — девятилетний Егор с двенадцатипетным Кузьмой брали с собой Степана и с раннего утра уходили ставить петли на куропаток. Охоте мешали собаки, которые теперь кормились самостоятельно, поэтому дичи приносили мало. Анна ощипывала добычу, ставила на огонь огромный котел, над ним потрошила крохотную птицу, чтобы ни одна кровинка не пропилась мимо. Чистила и внутренности, клала в котел.

Мальчиков кормила отдельно. Нужно было сохранить силу добытчиков, и Анна полностью отдавала им все мясо, если куропатка была одна. Девочки и женщины пили бульон, обсасывали и съедали косточки.

Если дети возвращались без добычи, в том же огромном котле Анна варила несколько сушеных рыбок. Рыба раздавалась мальчикам, а девочки вновь пили одну воду.

Анна сделалась каменной. Никто не смел прекословить ей, когда она раз в день священнодействовала над котлом. Однажды, когда ели мальчики, Наста стала плакать и просить есть. Анна жестоко наказала ее. С тех пор, если кормили мальчиков, то девочек отправляли на улицу.

Однажды Степан отказался есть, ему было стыдно перед голодными сестрами. Анна долго говорила с ним наедине и внушила, что девочки и женщины хотят есть меньше мальчиков.

Анна потеряла молоко. Гриша кричал день и ночь, просил есть. Анна носила сына на руках,

прижимала к себе, тыкала в ротик пустую грудь. Ребенок кричал. Она пыталась подкармливать малыша, тщательно жевала сушеную рыбу, разбавляла бульоном. Сын глотал, но оставался голодным.

Порой сознание Анны, утомленное бессонными ночами, теряло связь с реальностью. Ее преследовало одно и то же видение, будто шагает она с сыном по кроваво-красному пространству. Над головой гроыхает темно-багровое небо, кровавые тучи в ярости бьются друг о друга, пляшут молнии. Анна крепко прижимает к себе малыша, она молит о спасении, смотрит на Землю. Леса, реки, озера Земли наполняются тоже отвратительной краснотой, они набухают до уродливых размеров, наползают друг на друга и ударяются, поднимая вверх огненные брызги кровавой воды. Анна, зажата между разбушевавшимися стихиями Неба и Земли, от ужаса теряет сознание, задыхается. Нет в мире устойчивости, нет в мире спасения.

Когда видение проходило, Анна опять и опять вглядывалась в личико своего сына, искала в его чертах надежду на спасение.

Ребенок таял. И однажды вечером она ощутила, как дрогнуло тельце малыша. Тетива лопнула. Сын умер.

Женщины зажгли перед входным отверстием чума поминальный костер. И опять, как в тот день, когда увозили мужей, молча просидели до рассвета.

Выгоревшим бором стала Анна после смерти сына. Сгорело прошлое, сгорело настоящее. Молчаливая и безразличная ходила она между людьми.

Глухарка сна совсем покинула Анну<sup>1</sup>. С открытыми глазами лежала она ночами и слушала, как воеет метель, стараясь сорвать покрытие с дважды осиротевшего чума, слушала, как хохочут духи над опустевшей постелью.

Пусто с ее правой стороны: не ощущает Анна ласковой, сильной руки, никогда больше не наполнится она сладостным женским трепетом. Пусто с левой стороны. Нет мягкого, нежного тельца, никогда больше не разольется в ней истома материнства.

Холодно справа, холодно слева.

Хохочут духи, беду нагоняют. Однажды ночью Анна отчетливо ощутила, как треснула ее душа и разверзлась бездонная черная пропасть в Нижний мир. Она встала, разожгла огонь. Тут-имие проснулась, осветила жилище, стала ласкать и успокаивать женщину: «Жить надо, жить надо. . . Для детей жить надо. . .»

Анна боялась, как бы дети не увидели в ее глазах холода черной пропасти, ходила с опущенной головой, надвинув низко на лицо платок.

Сегодня не поднялась с постели Татьяна. Анна подошла к дочери. Глаза, полные боли и любви, очертанные синими кругами, смотрели на нее. Мать впервые за много дней увидела таким своего ребенка: почерневшее лицо, провалившиеся щеки.

Дрогнуло сердце.

— Дитеночек мой, птенчик мой, что с тобой? — спросила, глядя девочку.

— Ничего, мамочка, я устала вчера, полежу немного и встану.

Анна видела: дочери не подняться. Нужна еда. Нужно много еды.

Анна вышла на улицу. Метель укротилась. Сквозь светло-коричневые стволы сосен игриво пробивались солнечные лучи: нежно касались снежной целины бора, и снег тут же вспыхивал, искрился, переливался. Природа жила. Природа радовалась.

Вокруг чума намело огромные снежные сугробы и только узенькая тропка вела к дровам, к месту, где черпали снег. Возле дров, свернувшись, лежал отощавший Питюх, любимая собака Татьяны. Обязанностью ее было кормление собак, поэтому они ей оказывали особое внимание. Сейчас голод лишил Татьяну этой заботы и чувство вины повисло над детской головкой. Девочку преследовали вопросительные глаза животных, она боялась выходить на улицу.

Сначала собаки ждали пищу. Когда Татьяна за чем-либо выходила из жилища, они провожали ее ожидающими взглядами. Девочка подходила к собакам, ласкала их и умоляла:

— Добудем много еды, добудем. Подождать надо.

Рослый Пянк, который никому не позволял прикасаться к себе, сейчас жалел девочку и снисходительно разрешал погладить себя по спине. Пеля, мучительно раздираемая изнутри щенятами, при виде Татьяны исходила слюной. Заглядывая девочке в глаза, умоляя ее о пище, она ложилась на спину, выставляла вверх брюхо, чтобы девочка погладила его и убедилась, что Пеля не одна и ей надо кормить эти крохотные комочки, что зашевелились в ее животе. Девочка стала приносить ей свою долю пищи.

Нужно отыскать и забить оленя. В этом сейчас единственное спасение. Анна пробралась

<sup>1</sup> По хант. поверьям носителем сна является глухарка.

к нартам, где хранились широкие охотничьи лыжи мужа, на дне грузовых нарт нащупала аркан.

На поиски оленей вышли втроем: Анна, Кузьма и Егор.

Целый день ходила Анна, но оленьих следов не обнаружила. Остановилась в березовой рощице возле озера, развела костер, сняла с себя платок — лучшее, что у нее было, и принесла в жертву духам.

Ногами, голодом обессиленными, руками, голодом обессиленными, пищу добудем ли, добудем ли? . . . — спрашивала — жаловалась она.

Духи помогли: навели мальчиков, которые уходили в другую сторону, на свежие следы.

— И еще, — взволнованно говорил Кузьма, — вроде, волки за оленями гнались. Следы очень большие видели.

— Какие здесь волки? Они возле больших стад держатся. У нас им делать нечего, — успокоила его Анна.

Вечером Татьяе совсем плохо стало. Девочка запылала жаром, стала терять сознание, Анна не отходила от дочери.

— Дитеночек мой золотой, дитеночек мой драгоценный, чужими бедами живешь, чужой болью страдаешь. За других сердце твое нежное горит, за других душа твоя чистая пылает, — шептала Анна, то и дело поправляя сах, который девочка скидывала с себя. Анна пыталась накормить девочку, сегодня за куропатками вместе со Степаном ходили Марья и Вахра. Анна подносила чашку теплого бульона к высохшим губам девочки, когда та приходила в себя. В беспамятстве девочка улыбалась чему-то, разговаривала с собаками, звала их. На улице жалобно скулил Питюх, он царапался, просился в дом. В полночь собака завывала. Анна вышла на улицу, чтобы успокоить пса. Стояла светлая пунная ночь. Питюх, высоко закинув голову, выпл на Луну. Анна отогнала его, но он, отойдя, завывал еще громче и протяжнее. Тогда женщина пустила собаку в жилье. Питюх прошел к ногам больной девочки, лег, положил морду на лапы, успокоился.

Наутро Татьяе стало лучше. Увидев собаку, заулыбалась.

— Питюх, Питюх, иди сюда, — позвала она слабеньким голосом.

Собака подошла к изголовью, вытянулась рядом. Татьяна гладила собаку, а пес лизал ее руки, доставал до лица. Когда Анна поднесла дочери чашку с бульоном и крохотными кусочками мяса, девочка выпила бульон, а мясо попросила отдать собаке.

— Доченька, милая, тебе кушать надо, тебе силу набирать надо, собака пищу себе сама добудет, — возразила ей Анна.

— Мамочка, Питюх очень голодный, отдай ему, — умоляла девочка.

— Она всегда так поступает, все равно сама есть не будет, — вмешался в разговор Степан.

Анна с болью и тревогой исполнила просьбу дочери.

С утра Анна с Кузьмой вновь отправилась на поиски оленей. Анна взяла лук со стрелами, который изготовил Кузьма. «Хоть бы белочку подстрепить, дитя желудочком накормить», — вспомнила она о любимом лакомстве дочери.

— Хоть бы плохонькое ружье было, все равно что-нибудь настроляла бы. . .

Стрелять она научилась рано. Максимум не имел сыновей, поэтому вопреки тихому ворчанию жены брал с собой на охоту Анну.

. . . Путь до озера, где ребята видели оленьи следы, был не близок.

Пошли по вчерашней лыжне. Она вывела их к месту ночевки оленей. Анна рассматривала поляну, стараясь определить, сколько же было животных. Истоптано довольно большое пространство, олени двигались как-то очень уж беспорядочно. И тут за старой валежиной увидела следы огромного волка.

Анна сжалась, посмотрела — далеко ли Кузьма? «Только этой беды нам не хватало», — подумала, внимательно изучая следы. Волк охотился один. «Где стая?» — недоумевала женщина.

Следы оленей и волка заворачивали в сторону стойбища. «К людям идут, защиту ищут. Ах, горе наше, горе, чем же мы их защитим, чем поможем?»

Идти по следам было опасно. Анна подозвала Кузьму, объяснила, что случилось, и они решили сегодня вернуться домой, а завтра идти вооружившись хотя бы топорами. Не дойдя до дома, путники заметили Нуви, белую собаку Кузьмы. Она лежала сытая и довольная, ее белоснежная мордочка была запачкана кровью, которую она пыталась стереть двумя лапами. Увидев хозяина, Нуви бросилась к нему, приседая на передние лапы, виляла хвостом, лизала руки, всем своим видом показывала любовь и преданность.

«Где же Пянк?» — подумала Анна о собаке. Пянк был неравнодушен к Нуви и всюду бродил за ней, а на добычу они тем более уходили вместе. Сильный, ловкий Пянк был охотничьей

собакой. Легкая, быстроногая Нуви — собакой оленегонной, поэтому сейчас ей пища доставалась значительно труднее. Пянк старался за двоих.

Посоветовавшись, Анна с Кузьмой пошли по следу Нуви. Он привел к кроме соснового бора, где виднелись следы ожесточенной схватки. На краю возвышенности с перекушенным горлом лежал окровавленный Пянк, а внизу, в глубоком сугробе, виднелась туша важенки с выведенными внутренностями.

Волку все-таки удалось отбить от небольшого стада стельную олениху. Он долго гонял ее, знал свое дело. Обессиленная олениха оказалась отрезанной на краю возвышенности. Впереди — голодный хищник, позади — непроходимый сугроб. Исход сражения был предрешен.

Неподалеку пробегали Пянк и Нуви. Чуткие ноздри собак издали ощутили запах свежей крови. Много дней подряд их охота была неудачной, потревоженные звери и птицы уходили от человеческого жилья. Нужно идти следом, но собаки еще не решались окончательно бросить людей и жить своей жизнью.

Тело Пянка теряло силы, за ним, едва переставляя лапы, семенила измученная Нуви.

Запах взбудрил животных, и они прибавили шаг.

Волк закончил свою трапезу, но еще лениво лакал пьянящую теплую кровь, когда услышал приближающихся собак. Он поднялся на пригорок, приготовился отстаивать добычу. Собаки подходили все ближе и ближе. И Анна увидела, как ее отощавший, ставший словно высушенный листок Пянк, возбуждаемый близкой пищей и присутствием любимой подруги, храбро идет навстречу сильному сытому зверю. Ни тени сомнения, ни тени страха: «Драться, драться и только драться. Драться за пищу. Драться за жизнь. . . » Шаг, еще шаг. . . Высоко взлетело легкое тело пса от броска мощного хищника. Лютая ненависть и уверенность! Уверенность в себе, уверенность в подруге. Закапала кровь. Полилась кровь. Пянк ожидает помощи. . . Враг тянется к горлу. Нужна помощь! Смыкаются челюсти противника, наползает тьма. . . И скользнул предсмертный взгляд Пянка по равнодушной Нуви, стоявшей с поджатым хвостом. Выражение удивления навсегда застыло в его раскрытых глазах.

Анна увидела: заскулив, повалилась на снег беленькая Нуви. Волк, не остывший после победы, приблизился к ней, обнюхал, но трогать не стал. Впереди манила пища, ее запах кружил голову Нуви, она хотела есть и только есть. И тогда. . . преодолевая страх перед зверем, она поползла к пище. Она ползла и виляла хвостом, она ползла и умиленно заглядывала в глаза хищнику. Она ползла. . .

Вот и появилась пища. Анна с Кузьмой, забыв о близком присутствии волка, разделали еще не замерзшую тушу и принесли домой столько мяса, сколько смогли. Впервые за много дней люди были сытые. Весело горел огонь, Тут-имие расправляла на лицах детей застывшие маски страдания. Они начали шутить, рассказывать друг другу про свои дневные дела и заботы. Старшие девочки вытащили рукодельные мешочки и шили малышам куколки. Наста и ее одноклассница Дарьяна Уля уже получили новые игрушки и баюкали своих «детей». Кузьма сидел на чурочке возле огня, изготавливал стрелы с тяжелыми тупыми наконечниками для охоты на белок, ему помогали Степан и Егор. Дарья рассказывала коротенькие детские сказки-прибаутки Петру и своему трехлетнему Павлу. Всех освещает Тут-имие, всем расправляет складки печали и лишь до двух лиц не дотягивается она.

Низко склонившись над больной девочкой, далеко от огня сидела Анна. Дочка лежала в забытьи. «Бродит, бродит душа ее светлая», — думает Анна.

Горит огонь, сытый дух по жилью витает. Детей, Дарью разморил, все спать легли. Лишь Анна не спит да дочка в беспомыслии мечется.

— Доченька моя, доченька, — шепчет женщина, — открой свои глазки да посмотри, сколько еды в доме. Братья твои, сестры твои сытые спят, собаки накормлены. Посмотри, доченька, и успокоится твоя душа. Посмотри только и успокоится твое сердце.

Не слышит ее Татьяна, жаром пылает. Питюх, которого днем выпроводили на улицу, в полночь снова завыл, и Анна опять впустила его.

Не спят огонь, собака и женщина, вьется над ними тяжелое дыхание девочки. Гладит Анна дитя по пылающему личику, по тоненьким ручкам и мучительно жаждет вобрать в себя ее страдания. Но как это сделать? Как?

На рассвете Татьяна ушла из Среднего мира.

#### Глава 4

Ушла Татьяна, напрочь захлопнув за собой черную пропасть в душе Анны. Огнем любви отогрела умирающая девочка сердце матери, отступил холод. Анна смотрела на мир глазами дочери. Ушла Татьяна, Боль оставила. Не боль отчаяния, а Боль созидательную, Боль рождающую. Боль понимающую. Великое чудо несгибаемой любви к детям вызревало в Анне. Она видела

и понимала всех. Видела решительную Марию, ставшую самым надежным человеком в семье. Видела заботливую Вару, которая ни на миг не оставляла без внимания младшеньких Насту и Петра, видела, как пытается расцвести вопреки безжалостному голоду личико ласковой Катерины, видела, как в детской фигурке Степана вызревает спокойный и твердый характер мужа. Все видела, все понимала мать.

Постели в чуме Анна перестелила. На мужскую половину жилища, заняв место отца, перешел Степан, а слева от матери спал Петр. Заполнилась пустота.

Дни ползли за днями, оставляя все меньше надежды на возвращение мужей. Олени, преследуемые волком, который расправился с очередной жертвой, подошли к жилью. Их было всего восемь.

Волк понял, что у людей нет опасного оружия, поэтому нагло подходил к самому чуму. Собаки поднимали лай, но нападать на хищника боялись. Волк самоуверенно садился на снег и презрительно наблюдал за ними. Это красивое и смелое животное вызывало у Анны уважение.

Мальчики пытались стрелять из луков в сторону хищника, но у них не было острых железных наконечников для стрел да и силы еще были детскими, поэтому волк их не боялся.

Ночью волк принимался выть. Беспросветное одиночество, тягучая тоска заполнили стойбище. Анна крепко прижимала к себе теплое тельце спящего Петра и думала о том, что в жизни самое страшное — жить без себе подобных.

Она жалела волка.

Надо было что-то решать. Стало ясно, что никто из мужчин не вернется. Оставаться здесь без муки, без необходимых промысловых снастей означало обрекать детей на голодную смерть. В родовом стойбище мужей женщины оставляли небольшой запас пищи, но главное, там есть ловушки на зверя и рыбу, и прочие охотничьи и рыболовные принадлежности. В Вутвоше у людей, должно быть, есть и пища, и олени. Но как добраться туда, как ехать на необученных оленях по целине? Да и оленей всего на две-три упряжки, всем не уехать. Надо было решать.

Анна разговаривала с Дарьей, с Кузьмой, советовалась с Марьей, думали, как поступить. Дарья опять плакала и умоляла отправить ее из этого места, где поселились духи болезней и обязательно заберут всех ее детей. В конце концов пришли к тому, что Дарья со своими детьми направится в сторону Вутвоша, а Анна подождет, пока кто-нибудь не приедет за ее семьей.

Волк не отходил от стойбища. Мелкая добыча попадалась ему все реже и реже, он начинал голодать, становясь опасным. Женщины и дети делали все возможное, чтобы сохранить оленей.

Однажды утром Кузьма не досчитался опытного передового оленя. Взяв с собой двух собак, он и Анна пошли на розыски и скоро вышли к месту очередного преступления. На этот раз волк оказался возле добычи и по всему было видно, что не собирается отступать. Привыкший к тому, что собаки его боялись, а люди не представляли опасности, он с высокомерным видом сидел перед тушей.

Анна увидела, как сузились от ненависти глаза Кузьмы, сжались его зубы, по лицу пробежала судорога. Он пошел на волка. . . Рядом с мальчиком хищник казался огромным. И тогда Анне показалось, что вовсе не зверь перед ними, а исчадие Нижнего мира, кровожадный Тарен с раскрытой пастью. Анна вслед за Кузьмой бросилась на волка. . .

Четверо против одного. Силы неравные. По морде хищника лилась кровь, он отступал. И... вздрогнула Анна от взгляда, пылающего непримиримой ненавистью к человеку. Волк вырвался. Залитый кровью, с гордо поднятой головой он уходил от людей.

Через день после схватки Дарья с детьми были готовы к отъезду. Женщины поднялись до рассвета. Анна, превозмогая боль, держала над костром прокушенную волком левую ладонь руки. Она верила, что Тут-имие обязательно излечит ее. «Хорошо, что в рукавицах оказалась», — думает она, заговаривая свои раны. На огонь капала листовничная смола, которой Анна смазывала укусы. После каждой упавшей капли Тут-имие сердито повторяла: «Осторожными нужно быть, осторожными нужно быть. . . » Кончив лечение, Анна кропотливо, будто малому ребенку, стала объяснять Дарье, как себя вести, если волк пойдет по их следу.

— Жилья на пути нет, дорогу не знаете, чуть стемнеет — сразу разводите костры. Оленей держите на привязи, детей от себя не отпускайте. Если поймете, что заблудились, по своим же следам возвращайтесь назад и ищите старые метки, здесь когда-то проходила оленья тропа...

Дарья торопливо кивала головой:

— Конечно, конечно. . . Лишь бы довести моих птенчиков, лишь бы сохранить моих птенчиков.

Анна надеялась только на Кузьму и на то, что хищник останется здесь. Как-то она заметила, что волк вроде пытается ухаживать за Нуви, поэтому эту противную собачонку она оставляла у себя, а отъезжающие брали с собой только одну собаку.

Тщательно готовили нарты. Нельзя ехать без необходимого и нельзя брать ничего лишнего.

Путь предстоял не близкий, при нормальной дороге пять ночевок, теперь надо рассчитывать дней на десять.

При расставании Дарья плакала, Анна целовала отъезжающих и мысленно повторяла: «О, Небо-отец, сохрани его, сохрани. . .»

Уехала Дарья с детьми. Семь человек остались в ожидании. Семь человек и три собаки на сотни километров вокруг. Волк не показывался, но Анна строго-настрого запретила детям выходить на улицу. Оставленную олениху и собак привязали к колышкам у входного отверстия чума. На третий день к вечеру зверь показался. Красивое животное было изуродовано. Без уха, с изодранной пастью, с заплывшим правым глазом, с источавшим злобу непобедимым левым глазом. Он теперь казался Анне безобразным лесным людоедом Менком. Его вид был ужасен. Анна смотрела на эту тварь, и ее единственная рука, способная держать оружие, крепко сжимала топор. Волк не отступит, новой схватки не миновать.

К ночи зверь завыл. Леденящая тоска, слепая ненависть ко всему живому, кровавая жажда мести слышались Анне в этом вое. Собак и даже олениху она запустила в жилье.

Утром волк исчез. Анна вышла на улицу. Сияло ласковое Солнце, на землю пришло тепло весны. Снег осел, наступал месяц наста. Легкий хруст под ногами наталкивал на мысли о Дарье. Женщина прошептала молитву: «О, Торум-отец, наш Бог, Священное золото! Под белым небом едущих в этот миг ты в беде не оставь, не оставь, ноги оленьи об наст не разбей, не разбей».

После полудня неожиданно появился волк. Услышав какой-то визг, шум, Анна, схватив топор, выскочила на улицу. Нуви билась в предсмертных судорогах, она, видимо, по привычке подошла близко к волку, и хищник метким броском впился в незащищенное горло. В ее гаснущих глазах, как в свое время у Пянка, застывало удивление. На привязи металась олениха. Но волк. . . шел на женщину. «Хранит нас Небо, все мои детки в доме», — мелькнуло в сознании, и Анна в тот же миг заскочила в жилье. Тогда хищник всю силу удара, всю собранную энергию направил на олениху, вторая жертва пала у его ног.

Прошло два дня, зверь не появлялся. Ожидание было ужасным. «Где он? Почему не выходит?» — крутилось в голове Анны. Неопределенность была мучительна. Наконец, Анна решила идти по следам волка. Рано поднялась женщина, села к огню, долго и неистово молилась. Затем принесла последний платок, накрыла костер. Пепел легко поднимался вверх. «Удача. Будет удача!» — радовалась она.

Дети просыпались, она каждого встречала ласковой улыбкой и нежными словами. После еды собрала старших детей и сказала, что идет искать волка. Марья, Вара и Степан стали проситься с ней.

— Нет, одна пойду, — сказала мать. — Я обязательно вернусь. Взяв топор, нож, отвязав Пелю, полная веры в счастливый исход предстоящей борьбы, женщина отправилась на поиски волка.

Погода стояла ясная, тихая. Лыжи легко скользили по подстывшему с утра снегу. Следы волка встречались, но они были старые. И особенно много виднелось их на пути уехавших упряжек. После отъезда Дарьи снега еще не было, и женщина пошла по оленьей дороге. Судя по следам, дня два назад волк бежал в том же направлении. «Неужели, неужели пошел за нартами? — думала Анна. — Одна собака, беспомощная Дарья, слабые дети против расчетливого, безумного хищника».

Долго она шла по дороге, хотя было очевидно, что волк назад не вернулся. Утренние уверенность и собранность улетучились, мысли ходили печальными кругами вокруг одного и того же: «Загрызет, загрызет всех уехавших зверь...» Анна была уверена, что в волка вселились духи безумия, которые во стократ увеличили его силы и теперь бросают его бессмысленно, бесцельно убивать все живое. «Загрызет, загрызет. . .» — вертелось в голове.

Солнце опустилось совсем низко, идти дальше не было смысла, и Анна повернула назад. Устала, сникла душой женщина, но, увидев березовую рощу, где приносила жертву, подумала: «Один раз духи не оставили в беде, может быть, сейчас помогут?»

Она подошла к старому кострищу, разгребла снег, приготовила дрова, бересту. Затем достала меховой мешочек с огнивом. Стала высекать огонь.

(Окончание следует)

## КАК ОБРАЗОВАЛИСЬ ОСТРОВА НА СОСЬВЕ

Менкв ойка\* идет, идет вдоль реки Сосьвы. Так расхаживая, он увидел Ялп ус ойка\*\*. Ялп ус ойка говорит:

—Я его боюсь. Если от него убегу, то больше бояться не стану.

Менкв расхаживает вдоль реки. Ялп ус ойка пришел к сосне, потом пошел к реке и видит: Менкв ойка идет, впереди оказался. А Менкв ойка про себя думает: «Меня не видел.»

Ялп ус ойка дальше смотрит: Менкв ойка серединой реки идет. Ялп ус ойка думает:

«Не взял меня. Он еще маленький. Теперь я от него убегу. Стрелу свою и лук свой повешу. Больше я не боюсь. Мужчина, которого боялся, остался позади».

Менкв ойка говорит:

—Здесь, впереди, живет мокрая лягушка. Я ее затопчу между кочками.

Названный муж лягушки—Тагт котль ойка\*\*\*—раньше узнал, что Менкв ойка идет его убить. Он сидит лицом к реке и делает стрелу. Тагт котль ойка говорит сыну:

—Сыночек, завтра вечером придет Менкв ойка, чтобы убить нас.

—Стрелы изготовлены.

—Сыночек, я схожу на ту сторону Сосьвы, на голову себе поставлю сосновую шишку. Если действительно Сосьва сердитая, то ты пусти стрелу в сосновую шишку.

Отец ушел на другую сторону реки Сосьвы. Сосновую шишку себе на голову поставил, смотрит: сын стрелу грызет. Отец думает: что же случилось? Он назад через реку переправился, спрашивает сына:

—Сыночек, ты почему не пустил стрелу?

Сын ему отвечает:

—Стрела крыльев не имеет.

Отец снова уехал на ту сторону реки. Взял сосновую шишку, поставил ее себе на голову. Сын пустил стрелу, попал в сосновую шишку, стоящую на голове отца. Отец обратно переправился через реку, подошел к сыну и говорит ему:

—Сынок, послезавтра придет Менкв. Он идет серединой реки. Под озером есть кусок человеческого мяса, ты стрелу туда пусти.

Вдвоем живут. Наступил следующий день. Вечером сын сидит на берегу и смотрит вниз по реке: правда, Менкв ойка серединой реки идет. Юноша взял в руки стрелы, поджидает его. Менкв уже близко. Юноша пустил стрелу. Стрела ударилась в человеческое мясо. Менкв ойка упал, вниз свалился, закричал:

—Охыр, Охыр!\*\*\*\*

Тут голос его надломился и заглох. Ножны, кисет, конец пояса, большой кусок сапога, маленький кусок сапога—все унесло вниз по течению. Теперь там река и острова имеют названия: ножны—остров, кисет—остров, устье реки—конец пояса, острова большого и маленького куска сапога.

Унесло и бедро Менкв. Из него образовалось длинное плесо вблизи поселка Алтатумп.

До того, как Менкву закричать, южнее деревни Беткаш ехали люди в большой подке. Когда он закричал, лодка зачерпнула и затонула вместе с людьми. На этом месте образовался остров.

(Записала Е. А. Кузакова от манси Хозумова Ильи Гавриловича, 38 лет, рыбака-охотника в дер. Хурумпауль Березовского района в 1951 г.)

\*) Менкв ойка—лесное чудовище, леший.

\*\*\*) Ялп ус ойка—человек-предок, богатырь-предок(его род находился чуть ниже юрт Люлюкары Березовского района).

\*\*\*\*) Тагт котль ойка—богатырь, хозяин середины реки Сосьвы.

\*\*\*\*\*) Охыр-река, протекает выше юрт Тоболдино Березовского района. Его назвали Остров погужения подки в воду.

# Орнамент

## «Оставленное стойбище»

---

---

Хантыйское выражение «корт вул» буквально означает понятие места, где когда-то стояло стойбище.

Изображение оставленного стойбища очень напоминает изображение Солнца с той лишь разницей, что в первом случае центральной частью орнамента является прямоугольник, а во втором — окружность. Такая близость орнаментов не простая случайность. В этих на первый взгляд далеких друг от друга понятиях — сущность, для хантыйских мастериц — воспроизводство земной жизни.

Казымская земля — это преимущественно лесотундра, поэтому преобладают заболоченные земли, почвы органически скудные, вследствие чего деревья, как правило, низкорослые, а урожай ягод ставится в зависимость от погодных условий. В этой ситуации органические остатки жизнедеятельности человека оказались естественным способом удобрения почв.

Человек природы находился в экологическом равновесии с окружающей средой. В быту хантыйской семьи все было изготовлено из естественных материалов: дерева, бересты, меха... И если человек оставляет стойбище, то эти материалы вместе с органическими остатками перегнивают и делают почву плодородной.

Дополнительным удобрением земли возле стойбищ является олений помёт и там, где были корали — загородки для ловли оленей, вырастают мощные деревья с сочной ярко-зеленой листвой или хвоей, резко отличающей их от окружающих деревьев.

На рис. 1 мастерица из Казыма Тоголмазова Парасковья Григорьевна изобразила в центре домики (квадраты) стойбища, от углов квадрата в направлении четырех сторон отходят тропинки, которые зарастают, а все стойбище уже опоясано молодой порослью деревьев и трав, которые, питаясь перегноем, быстро вырастут и поглотят стойбище.

На рис. 2 июльская мастерица Рандымова Пелагея Ивановна изображает обилие глухарей на оставленном стойбище. Действительно, даже в самый неурожайный год на таких местах вырастает крупная сочная ягода — лакомство боровой дичи.

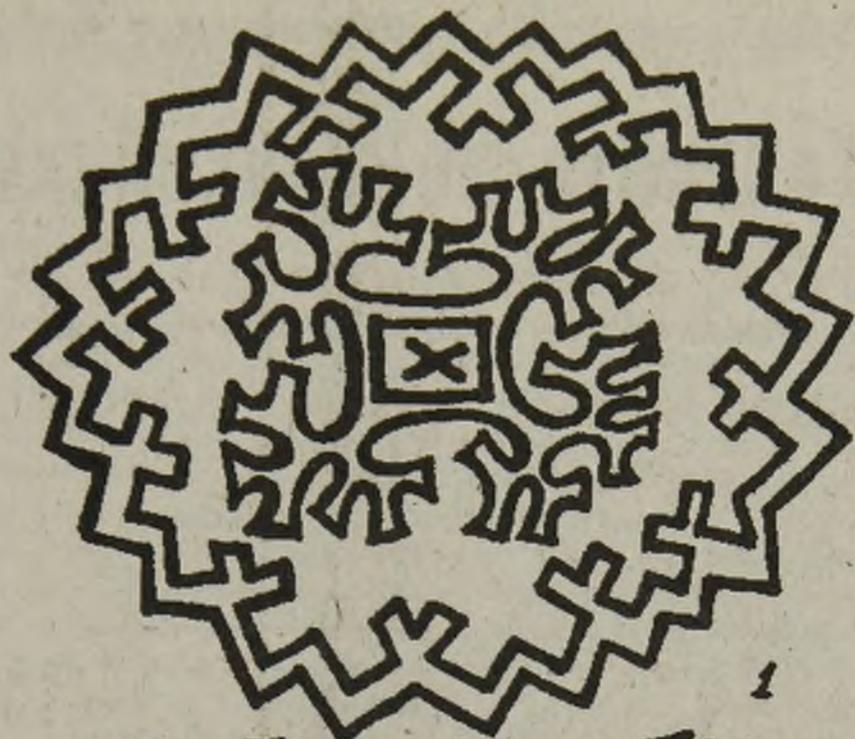
По рассказам пожилых женщин, в старину, иногда и теперь, люди специально оставляли стойбища, чтобы создать еще один клочок удобренной земли. Например, в песне Тарлина Тымру поется: «Пятнадцать стойбищ с пятнадцатью домами, с пятнадцатью лабазами я поставил...»

В других случаях, например, необходимость смены пастбища, смерть кого-либо из членов семьи, перекочевки могли быть вынужденными.

Т. Молданова.

---

---



# Говорите по-мансийски

## Урок двенадцатый

### Рыбная ловля — Хул алысьлан вармаль

Ловить рыбу.  
Рыбаки рыбачат.  
Тянут невод.  
Богатый улрв.  
Обработка рыбы.  
Нож для обработки рыбы.  
Ящички для рыбы.  
Большая, крупная рыба.  
Сырая рыба.  
Сухая рыба.  
Бабушка варит уху.  
Мы с отцом поймали щуку.  
Брат поймал карасей.  
Какая рыба водится в этой реке(озере)?  
В этой реке водится сырок, щука,  
муксун, щекур.  
В этом озере водится карась, окунь, ерш.  
Какими орудиями лова вы пользуетесь?  
Мы неводим(ловим рыбу неводом).  
Мы сеткуем(ловим рыбу сеткой).  
Сколько рыбы вы поймали?  
В одну сетку попало десять сырков.  
Сырок — вкусная рыба.  
Наша бригада за неделю добыла около  
трех тонн рыбы.  
Где ваша добыча?  
Добытую рыбу увезли в березово  
на рыбозавод.  
Добытая рыба находится в моей лодке.  
Он передовой рыбак.

Хул алуңкве.  
Рыбакыт хул алысьлэгыт.  
Тан толыг хартэгыт.  
Сотын кан.  
Хул сепитан вармаль.  
Хул яктын касай.  
Хул пиннэ тотапыт.  
Яныг хул.  
Нярхул.  
Тосам хул.  
Анеквам хул исмит паиты.  
Мен атямент сорт апасамен.  
Канкум турхул алас.  
Манхурип хул ты ят олы(турт)?  
Ты ят сорых, сорт, мохсаң, суқыр хул олы.

Ты турт турхул, самри, тарка хул олы.  
Нан хул манхурип алысьлапыл алэгыт?  
Ман толгыл алысьлэв.  
Ман хулпыл алысьлэв.  
Мансавит хул аласын?  
Ака хулпн лов сорых ликмыс.  
Сорых — атың хулкве.  
Ман бригадав сат хотал сыс хурмахкем  
тонна хул алас.  
Нан длам утан хот-олэгыт?  
Апам хуланув Хальпус рыбозаводн тотвесыт.

Апам хул анув ам хапумт олэгыт.  
Тав хул алысьлан емас хумыг опы.

Примечание: В связи с отсутствием на полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «и» в тексте он обозначен переднеязычным носовым «и».

# Топонимический словарь Югры

## С-Х

**СУРГУТ** — город в Среднем Приобье. (Топоним еще встречается на картах Куйбышевской области (поселок), Казахстана (урочище) и других. На основании этого свердловчанин В. Ложкин дает толкование через древнетюркское «сур» — довольствоваться, хлебывать и «гут» — счастье, благополучие, хороший удел. В Черепановской летописи указывается, что название Сургут получил по имени одной из обских проток Сургутке. П. Отшамов из Березовского района считает, что название произошло от хантыйского: сойм — кут, где сойм — берег реки, прорезанный ручьем с заливом, и кут — речка, поросшая густым лесом. Наиболее приемлемым следует считать исследование сургутянина Ф. Показаньева, в котором он доказывает, что названием своим город обязан югорским племенам и происходит из двух слов: сор — заливная пойма и кут — рыба. Значит, Сургут — рыбное место, рыбная пойма. Основан он в 1593 году на месте поселения с тем же названием, где жил остяцкий князь Бардак. А хантыйское кут, кутв — рыба присутствует и в названиях селений Угут, Сумгут, Егут.

ЛП(НЮ). 23. 3. 68.

ТП 3. 7. 70, 15. 2. 76.

**СУСКУРТ** — так называется осенний населенный пункт у ханты, когда они жили вместе многими семьями.

**ТОВАТЬЯХ** — деревня в Ханты-Мансийском районе. Название от хантыйского тов — лошадь, ях — народ, то есть деревня, где народ, люди имеют лошадей.

**ТОВИКУРТ** — временный населенный пункт, когда ханты жили семьями по весне.

**ТОЛЬЯ** — река в бассейне Северной Сосьвы. Название образовано из мансийских слов тол — тальный, тапое место, я — река.

А. Матвеев. Геогр. названия Урала. 1980, с. 248.

**ТОХЫТКУРТ** — деревня в Березовском районе. В переводе с хантыйского: деревня, где ловят рыбу неводом.

**ТРОМАГАН** — речка в Сургутском районе. На хантыйском языке Турым-ехан, божья речка.

**ТУТЛЕЙМ** — деревня в Березовском районе. В основе названия два хантыйских слова: тут — огонь, левым — горевший. Значит, деревня, построенная на выгоревшем месте.

**УГУТ** — село в Сургутском районе. Считается, что в основе названия хантыйское слово ухыт — волок.

**УРАЙ** — город в верховьях Конды, а также поселок в Свердловской области. Это слово часто встречается в русских говорах на Северном Урале. Здесь же название произошло от мансийского урай (урей) в значении речной залив, старица, ручей.

А. Матвеев. Геогр. значения Урала. 1980, с. 261.

**ХАНГОКУРТ** — село в Советском районе. Название произошло от хантыйского: курт — деревня, ханг — мужик, значит, деревня хантыйского мужика.

## ВЕНТИЛЯЦИЯ В ПОГРЕБЕ

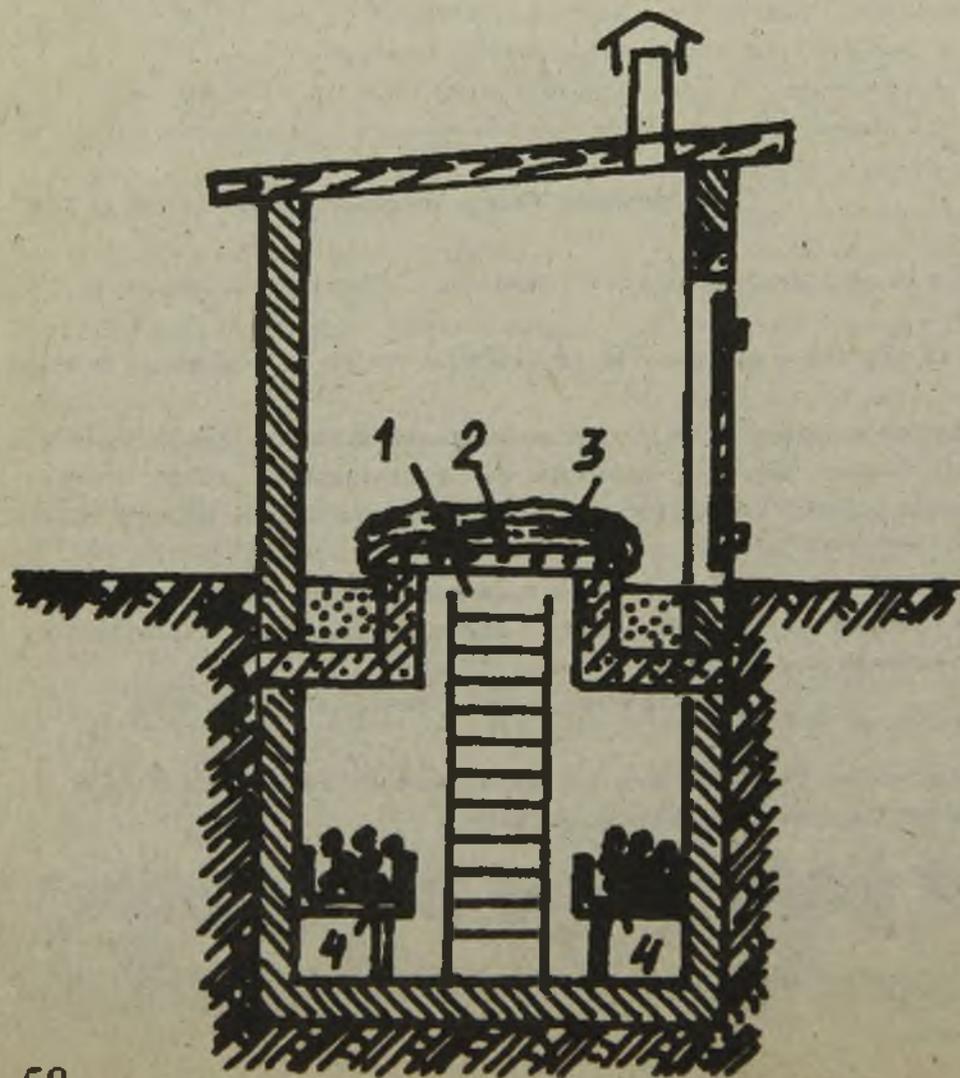
В нашем городе тысячи семей имеют погреба, которые обычно совмещены с гаражами. В большинстве погребов сделаны вентиляционные трубы. И все же в них бывает излишне сыро, потеют потолки, там скапливается много влаги. Все это учел один мой знакомый. Он не стал делать вентиляционные трубы, а положил сверху на лаз круглую стальную решетку.

Теперь у него вентиляция осуществляется через лаз в погреб. Где расположен этот лаз, в центре или сбоку, какой формы решетка, значения не имеет. Решетка может быть сварной из прутка диаметром 8 мм или в виде деревянной рамки с натянутой на нее проволокой и т. п. Закрывать решетку надо пористым материалом: старым ватным одеялом, курткой, пальто.

Плохо фильтрующие материалы — синтетика, брезент — не годятся. Толщина укрытия зависит от температуры в погребе (оптимальная температура  $+4^{\circ}\text{C}$ ).

Влажный воздух скапливается под лазом и выходит наружу через решетку с пористым фильтром. Благодаря такой вентиляции проходит излишняя сырость в погребе, исчезает наледь, а лаз становится сухим.

Г. Лидман.



- 1 — лаз в погреб;
- 2 — решётка;
- 3 — покрытие;
- 4 — стеллажи.

# С ФОТОАППАРАТОМ ПО ЛЕСАМ И ЛУГАМ

Владимир Назаров

Стремление хоть как-то запечатлеть красоту родной природы живет во мне с раннего детства. В классе шестом-седьмом, учась в заброшенной в глухие леса Северного Урала средней школе, я попросил родителей купить мне фотоаппарат. Мать съездила в город Серов и привезла оттуда чудесную вещь: двухобъективную камеру «Любитель». Что в ней мне особо понравилось, так это шахтный видоискатель с маленькой лупой. Ограниченное черными стенками поле будущего снимка, рассматриваемое через увеличительное стекло, сверкало всеми красками.

С раннего утра я уходил на лесные поляны и прицеливался линзами объективов к цветам, травам, деревьям, ища самые выигрышные ракурсы. Жаль, пленка была черно-белая, она не могла передать всего волшебства цветущего июльского луга...

С тех пор фотоаппарат навсегда стал неразлучным моим спутником в странствиях по горам и долам. От черно-белых пленок перешел к цветным. Особенно нравилась мне обращаемая немецкая «Орвохром». Натуральная цветопередача, высокая насыщенность цветов на слайдах в максимальной степени позволяли решить мою задачу — запечатлеть прекрасные мгновения из жизни природы.

Любимые темы съемок: цветы и растения Урала, Западной Сибири (набралась уже целая слайдотека), грибы, деревья, жизнь рек, озер, лесов, лугов; по возможности стараюсь запечатлеть птиц, зверей в условиях дикой природы. Но последнее сделать труднее: нужны большое терпение, внимательность и осторожность, немалые следопытские навыки, особое снаряжение, в том числе палатка-скрадок, маскировочный халат, фоторужье, лампы-вспышки и т.д.





Жду подолгу, чтобы сделать удовлетворительный снимок. Из птиц в мой видоискатель чаще попадают дятлы, чайки, вороны, сороки, синички и другие мелкие птицы. Хотя и они часто улетают, не подпустив фотографа на доступное для съемки расстояние. Из «телевиков» применяю «Таир-11», «Юпитер-21», зеркально-линзовый объектив с фокусным расстоянием 500 миллиметров.

Аппараты самые обычные: «Зенит-ЕТ», «Зенит-ТТЛ» и старенькие «ФЭД-2», укомплектованные и широкоугольными объективами. Все куплено за свои деньги. Печатаю снимки в домашней лаборатории, используя на время ванную комнату. Фотопленку, фотобумагу, химикаты — все приобретаю в магазине, тоже трачу личные средства.

Окупаются ли затраты? Не знаю, не считал. Хотя сейчас, с резким подорожанием фотоматериалов, вряд ли. Ведь гонорар в газете за мои этюды о природе остается прежним, да и не могу я в каждом номере публиковать такие материалы.

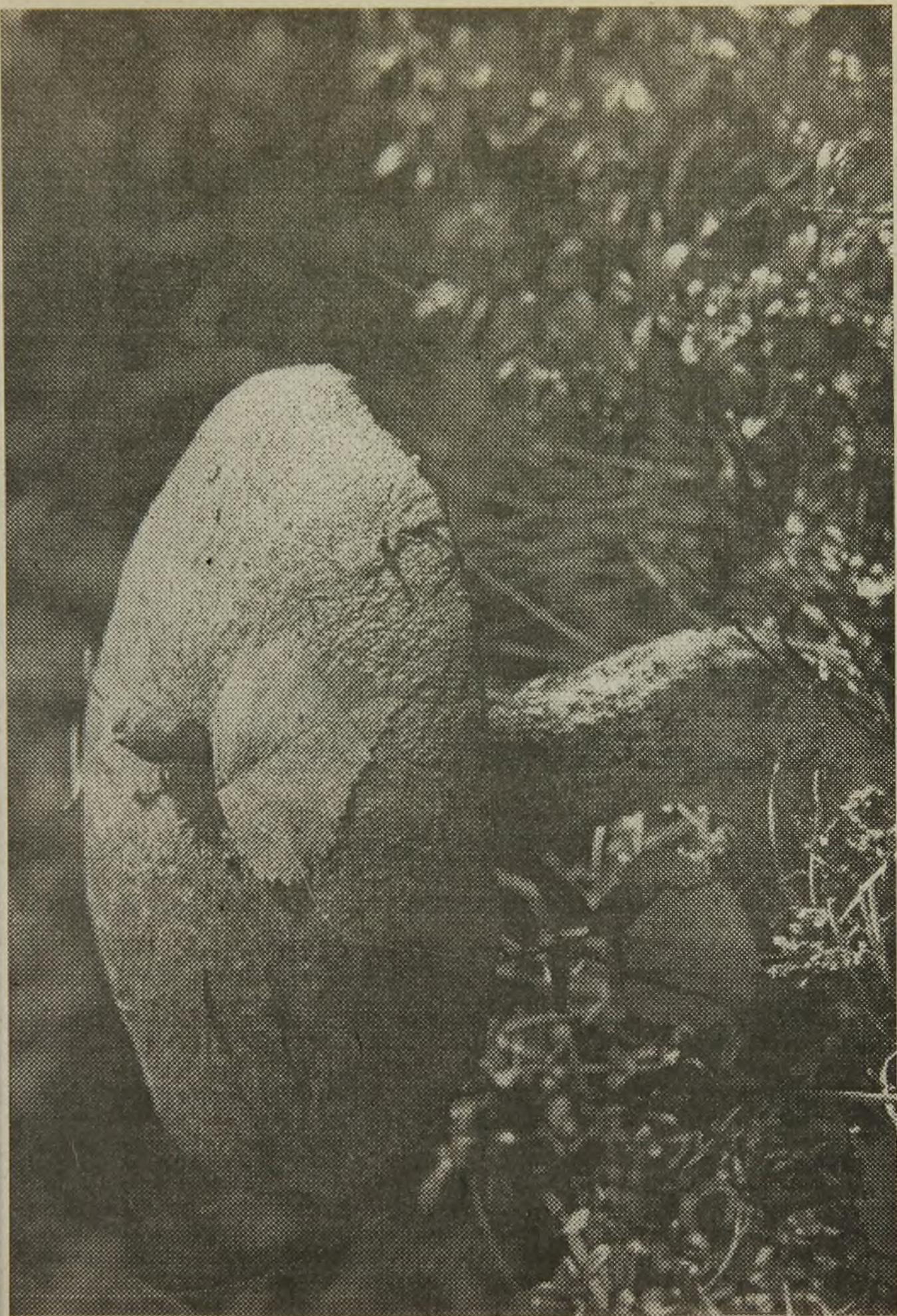
«Зачем же тебе все это нужно?» — спросит иной читатель. Действительно, отрываю деньги от семьи, от детей, вместо работы на садово-огородном участке провожу многие часы неизвестно где, у черта на куличках. Чудак-человек...

Но такое уж у меня хобби! Испытываю огромное удовольствие от общения с природой и почти такую же радость, если удастся запечатлеть и донести до другого человека что-то интересное, рассказать о каком-то обитателе огромного окружающего нас мира.

К сожалению, в нашей стране помощи фотографу-анималисту не оказывается почти никакой. Трудно издать свою книжку с фотографиями и слайдами, да и для издательства требуется широкоформатная пленка. Поэтому, когда стоимость фотоматериалов и фотоаппаратуры подскочила в десятки раз, мечту эту, по-видимому, нужно считать несбыточной. Потому в последнее время стал снимать гораздо реже и только на черно-белую пленку...

Север в моей слайдотеке представлен Уралом (его природа близка к природе нашего округа), пейзажами, снятыми в Березовском районе (например, весенний ледоход на Северной Сосьве). Хотелось бы чаще бывать в самых укромных таежных уголках. Но это можно сделать только в отпуске.

Фото автора.



# БОЛЬШАЯ СИНИЦА

Ю. Гордеев



За окном под мартовским солнцем ярко светятся чистые снега. От их блеска даже в темных сенях светло и хорошо видно, как на оставленную для собаки кость в открытую дверь влетает небольшая, размером с воробья, птичка. У нее ярко-желтое брюшко, через которое от черной головки с белыми щечками проходит полоса тоже черного цвета. Только она уселась, как тут же слышится торопливый стук.

— Смотри, — говорю я Киму, — она мясо клюет!

Он коротко бросает: «Так это же мясничок!»

Так в первый день приезда в Березово состоялось мое знакомство еще с одной самой обычной птицей края, которая проводит зиму у жилья человека — мясничком, имеющим второе, научное название — большая синица.

Синица, как и сорока, проводит всю зиму возле жилья человека, всегда на глазах и на слуху. Ее желтая фигурка и бодрый голосок вносят оживление в однообразный заснеженный пейзаж. Весенняя звонкая песенка начинает звучать задолго до песен перелетных птиц.

Только-только станет пригревать февральское солнце, как синицы, радуясь этой небольшой прибавке света, начинают петь. Проводя более двух десятков лет фенологические наблюдения в городе Ханты-Мансийске, я постоянно отмечал тот день, когда слышал первую песню. Она начинает звучать в среднем 7 февраля. Песенка эта простая: «цы-цы-фи» да «цы-цы-фи!». Каждый может просвистеть. Но когда начинаешь прислушиваться, то обнаруживаешь различия, хотя и не очень большие. Это навело исследователей на мысль проверить пение с помощью прибора-осциллографа. Оказалось, что в одной местности можно услышать более десятка напевов. Значит, в каждом селе и городе живут синицы со своими индивидуальными песнями. Вот и выходит, что когда наступает февраль, то звучит разноголосый весенний хор.

Трехсложная песня синиц в ряде мест послужила поводом для третьего названия — «кузнечик». С этим названием может согласиться каждый, кто слушает песенку издали. В этих случаях она напоминает звонкие удары маленького молоточка по наковаленке «в кузнице весны».

Научное название мясничка, или кузнечика — большая синица — указывает на ее размеры по сравнению с другими видами синиц, постоянно живущими в наших лесах и незаменимыми в борьбе с вредителями. Эта незаменимость объясняется тем, что у них настойчивость и ловкость в отыскании вредителей сочетается с постоянным круглосуточным присутствием в наших лесах. Недаром им дали образное название: «лесная милиция».

Природную ловкость и настойчивость хорошо демонстрирует большая синица. Ее можно наблюдать почти каждый день возле дома, даже и не выходя на улицу, из окна. С тусклым зимним рассветом птички начинают внимательно осматривать каждую щелку дома, то прицепившись, как дятлы, к вертикальной стенке, то чисто по-синичьи повиснув под крышей вниз головой. Если рядом с домом деревья, то и здесь они тщательно осмотрят трещины в коре, дупла, любое загущение ветвей, при этом принимают различные позы, невозможные для других птиц, да еще ухитряются усипенно долбить найденный заманчивый предмет. Таким предметом может быть кедровый орех в узкой щели, крепкий нарост-галл с вредной личинкой внутри или кладка яиц насекомых в крепком коконе. Другие птицы могут бросить такие предметы — синицы в силу своего характера и опыта — нет. Если удастся достать орех или вытащить кокон, синица перенесет его в удобное место, зажмет между лапками и будет долбить, пока не докопается или, вернее, не достигнет. Так же настойчиво «достукиваются» синицы и до тех предметов с пищей, которых нет в лесах, а есть только в поселениях человека. То они срывают тонкие крышечки с молочных бутылок, то продавливают дырки в свертках с маслом, то пролазят в щели ящика с пельменями.

Врожденное желание синиц докопаться до всего приносит им и определенный вред, они чаще «умных» воробьев попадают впросак. Именно из-за своего любопытства синицы часто залетают с осени в наши комнаты, в магазины, столовые, вокзалы через форточки, а зимой через двери. Если на вокзалах они, наравне с пассажирами пользуясь теплом и светом, доживают до весны, то в магазинах и столовых этого не бывает: люди их уничтожают, предпочитая не тратить времени на то, чтобы поймать да выпустить на волю.

Из-за своего любопытства большие синицы бывают самой легкой добычей начинающих птицеловов. Я сам узнал это, когда впервые в летнем саду Березова в марте 1946 года поставил самую примитивную ловушку — ящик с крышкой и ниткой, привязанной к палочке — сторожку. За один час, к моей радости, я поймал четырех синиц и, плохо зная их характер, посадил в маленькую клетку. Радость оказалась преждевременной: веселые птички, что до этого пели на ветвях лиственниц, вдруг проявили злобную нетерпимость, стали ожесточенно драться. Пришлось выпустить трех и оставить одну, которая едва дожила у меня до мая.

Март для больших синиц — пора создания семей. В апреле кочевые табунки синиц распадаются на пары, которые сразу приступают к поиску мест для гнезд. В поселках и городах они пользуются скворечниками, в лесах — старыми дуплами дятлов. Найдя подходящее дупло, синица-самочка первым делом начинает таскать в него мох «кукушкин лен», а потом — тонкие корешки и волосы. Самец в это время больше занят песнопением и лишь время от времени сопровождает самочку в ее поисках строительных материалов. В эту пору наблюдателю невольно приходит мысль о малом его участии в семейных заботах, но это не так. Когда в начале июня происходит вылет птенцов первого выводка, именно он берет на себя заботу о дальнейшем воспитании потомства. Самочка в эту пору занимается насиживанием второй кладки. Кроме того, пока она насиживает первую, он постоянно кормит ее, принося пищу к самому дуплу.

С той поры, как я познакомился с большой синицей, для меня долго оставалось загадкой ее гнездование. Всю зиму синицы бывают на глазах, а весной как бы пропадают для наблюдателя. Потом я понял, почему так происходило: они, откочевывая из поселений человека в леса, становились более скрытными, при этом их звонкие песенки терялись в хоре прилетных птиц. Когда я увидел впервые синиц, занятых постройкой гнезда в дупле осины, то в первое мгновение не узнал их по поведению: самочка молча раза два слетела на проталину и, схватив кусочек мха, так же молча летела к дуплу. Заметив меня, вообще перестала строить, пришлось отойти дальше и смотреть в бинокль. Прилетел самец и тоже удивил своим спокойствием. Он сел на ветку и долго молча сидел, лишь один раз негромко пискнул.

При обычных погодных условиях гнездо вьется быстро, 5-7 дней — и оно готово. Однако в этом деле у синиц есть одна особенность — они продолжают достраивать гнездо и тогда, когда уже одно за другим откладываются яйца. В полной кладке их бывает много, до 12, и когда птенцы подрастают, то в дупле становится очень тесно.

В гнездовой жизни больших синиц есть еще одна особенность, связанная с погодой и доступностью пищи: первая весенняя кладка насиживается с появлением первого яйца, вторая летняя — после завершения всей кладки.

После вылета птенцов, если выводок бывает один, вся семья сразу начинает кочевать, покидая дупло, которое для них становится тесным. Родители еще недели две кормят большую семью «желторотых», а потом покидают их. Став самостоятельными, птенцы разлетаются в стороны, покидают родное гнездовое урочище. В августе у них уже не остается родственной тяги друг к другу. Они часто присоединяются к кочующим по лесу стайкам других синиц.

Сентябрь для больших синиц — время возвращения к поселениям человека. Это бывает хорошо заметно. В эту пору разные перелетные певчие птицы улетают, а те, что пока остаются, ведут себя молчаливо, и на этом звуковом фоне веселая перекличка больших синиц выглядит шумной. Молодые, любопытные, они везде лезут в сараи, дома, под крыши в поисках пищи и мест для зимних ночевок.

В наше время, начиная с пятидесятих годов, часть синиц перестала весной возвращаться из городов и сел в леса. Они гнездятся в пустых скворечниках. Таким образом, они превратились, как и воробьи, в сожителей человека. Со своим проворством они хорошо вписались в суетную жизнь городов и сел и стали неотъемлемой частью их пейзажа.

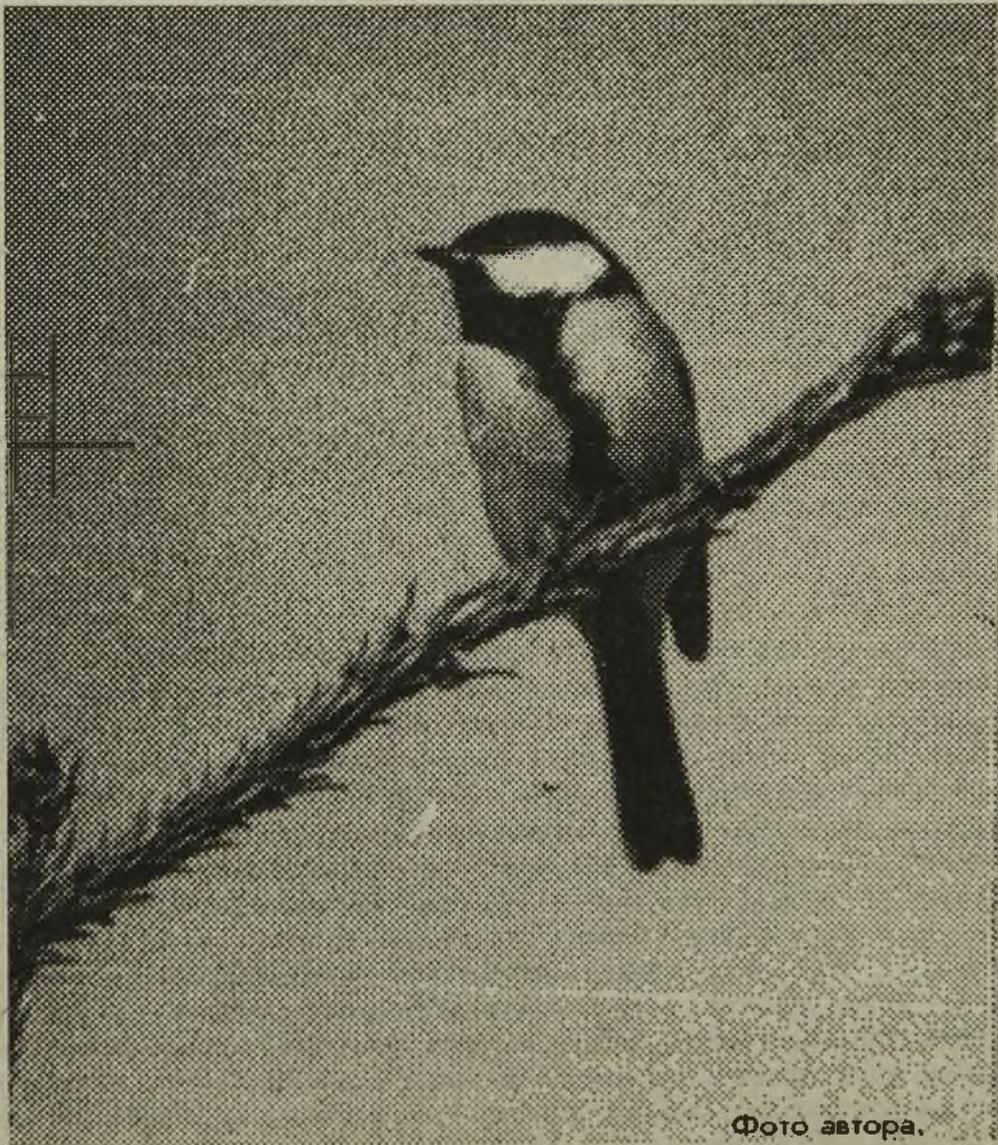


Фото автора.

# ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

*Чай в Россию пришел из Сибири. Если это и не совсем точно, то все же очень близко к правде. Судите сами. После Ермака русские люди продвигались по сибирским просторам все дальше и дальше. И вот...*

Год 1638. К Мунгальскому Алтыну царю отправлен с грамотой боярский сын Василий Старков. В резиденции Алтына-Хана, на озере Убса, московские послы узнали в первый раз употребление чая на придворных церемониалах. При прощальной аудиенции послу Старкову в обмен за привезенные им подарки были навязаны 200 бах-ча (т.е. бумажных пакетов в 3/4 русского фунта каждый) ценою в 100 соболей. Все уверения русского посла в ненужности этого товара нисколько не помогли ему, и по велению хана напиток этот насильно был ввезен в Москву...

*А знаете ли вы, где в России была проложена первая железная дорога? Если думаете, что знаете, то скорее всего ошибаетесь.*

**БОГАТЕЙШИМ ИСТОЧНИКОМ ДОСТОВЕРНЫХ, НИКАК НЕ ПРИУКРАШЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ЗА УРАЛОМ СТАНЕТ ДЛЯ ВАС КНИГА, ВЫПУСКАЕМАЯ ИНФОРМАЦИОННО — ИЗДАТЕЛЬСКИМ КОНЦЕРНОМ «СЕВЕРНЫЙ ДОМ» (Г. СУРГУТ).**

Это замечательный труд молодого ученого-подвижника 19 века  
**ИВАНА ЩЕГЛОВА**

**«ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ВАЖНЕЙШИХ ДАННЫХ ИЗ ИСТОРИИ СИБИРИ. 1032-1882 гг.»**

Более ста лет назад, в 1883 году, книгу напечатала типография штаба Восточно-Сибирского военного округа. Сегодня полиграфическое исполнение работы Щеглова взяла на себя московская типография «Красный пролетарий и издательство «Республика».

*По вопросам оптовой закупки и с индивидуальными заказами обращаться: 626400, Тюменская область, г. Сургут, ул. Энгельса, 10, каб. 308, АИИК «Северный дом». Телефоны: (34561) 2-46-40; 2-09-19; 2-03-22.*

Книга выйдет в свет во 2 квартале 1993 года.

Спешите приобрести книгу, которой нет цены.

Для всех библиотек России книга будет доставляться по льготным ценам.



«Индекс 78716»